

Задонский Пяленик

№ 22 2002 г.

По благословению митрополита Воронежского и Липецкого Мефодия

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

Оставь любознательного, что делается в том или другом месте; озабочься узнать, при помощи слова Божиия, что делается в душе твоей, к какой ты идешь окрестательной цели, к посиделки или ко сплетням, на каком пути ты находишься, на пути ли праведном или на пути нечестивых?

Святитель Михаил Задонский

В НОМЕРЕ:

КТО НАШ БЛИЖНИЙ?

Наши дни Его Воскресения митрополита Воронежского и Липецкого Мефодия

ВЕРНОСТЬ В МАЛОМ

Пролог с епископа Задонского Николая

НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ

ТИХОНА ЗАДОНСКОГО

«Светильник веры»

РАЗДЕЛЯВШИЕ РАДОСТИ

И СКОРБИ

Из воспоминаний великийчеловека св. Тихона

ИСТОРИЯ МОНАСТЫРЯ

Часть 15. «Год владычества безбожной»

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ

Из воспоминаний о стародомладрице Виталии

ХРИСТИНАМ

О ХРИСТИАНСТВЕ

Из бесед с Кавказским пустыником «Беседы о молитве», часть 2

СВЯТЫЕ ЗЕМЛИ ЛИПЕЦКОЙ

Святитель Инокентий Херсонский

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

Заповеди блаженства

ЗА ВАС ГОРИТ СВЕЧА...

ГДЕ ЖЕ ОН?

Духовные воспоминания мирянина

С КРЕСТОМ ЗА ХРИСТОМ

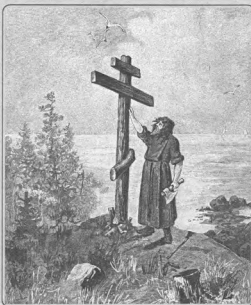
Рассказывают паломники

ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

ПО ПИСЬМАМ

«Бог и семья — это то, что детей хранит»

и другое...

Некто из отцов, укоряем быв от иконоборцев, что поклоняемся Крестному Древу, отвечал: "Я облобызала бы с благоговением и всякое древо, из коего знал бы я хотя бы только наперед, что сделается некогда изображение Креста Господня".

Кто наш ближний?

Сегодня Святая Церковь за Божественной литургией предложила нам евангельское повествование о милосердном самарянине. Повествование хорошо известно, и многие утешают всегда себя, когда слушают этот отрывок, той мыслью, что знают, что дальше будет. Знают, что человек, который попал в беду, оказался никому не нужным: все проходило мимо него, и у каждого было какое-то оправдание, свои задачи, первостепенные задачи. Но непопоменики, самарянин, — а нуден в то время не общались с народом ни этого, ни других племен, — оставались около попавшего в беду человека и сделала то, что должен был сделать каждый человек, видящий перед собой нуждающегося в помощи. Мало того, он дал денег хозяину гостиницы на уход за больным и пообещал на обратном пути заплатить еще, если тот истратит больше.

Самарянин проявил любовь, которая является признаком всякого человека, тем более верующего, именующего себя христианином. Ведь если мы, собравшиеся в храме, в едином порыве, обращенном ко Господу, испрашиваем себе милости Божией, понимая, что Господь Милосердный посылает по молитве каждому из нас, мы должны и сами быть милосердными.

Но любовь мы должны проявлять к кому? Вот сейчас выйду на улицу — к первому встречному? И я так думал когда-то, когда учился в академии и задавал профессору на эту тему вопрос. И он привел мне изречение египетского старца IV века. Когда у этого мудреца спросили, какое дело самое главное, он ответил, что самое главное дело — то, которое ты делаешь в данный

Название
Его Высочество
митрополита Воронежского и Липецкого
МЕФОДИЯ.

Покровский кафедральный собор,
29 ноября 1999 г.

момент. А время какое главное? Настоящее. Потому что прошедшего нам не вернуть, будущее перед нами закрыто. И наконец, кто же для нас самый главный человек? Когда студентам задали этот вопрос, многие говорили, что самый главный — правитель, кто-то сказал — ректор, кто-то сказал еще что-то... А профессор ответил, что самый главный — тот, который сейчас находится перед нами. И его послал Господь в данный момент. Потом будут другие люди и другие обстоятельства.

Мы не должны задавать себе вопрос: а кого же мне выбрать, чтобы оказать милосердие? Может быть, Ивана Ивановича, потому что он работает где-то там... сегодня болен, но наступит время — сможет помочь стройматериалами, окажу-ка и ему милосердие. Или, может быть, кому-то еще. Это уже не милосердие, это расчет, и истина будет милость наша, она не принесет нам никакого удовлетворения и прежде всего духовного, и никакой пользы для нашей души. Мы должны оказать свое внимание и свое милосердие тому, с кем столкнулся нас обстоятельства в данный момент.

Сегодняшнее Евангелие было бы полезно послушать не только нам, небольшому количеству людей из миланского города, но и правителям нашим, которые занимаются городом, областью. Они бы знали, что деньги, которые мы платим с вами за газ, надо отдавать в систему газоснабжения, и тогда трубы сегодня были бы теплыми. Если бы правители знали Евангелие, то прежде всего помнили бы, что свою ответственность перед Богом несут за людей, которые их выбрали и которые ожидают от них соответствующей отдачи. И никакие условия, и никакие законы не могут действовать, если у человека, кто бы он

ни был, нет совести, этого главного движущего элемента, определяющего его отношение к самому себе, к Богу, к окружающим его людям. О каком здесь милосердии может идти речь? И куда ни посмотрю — везде мы встречаемся с этим явлением.

Многие из нас проходят мимо тех, которые нуждаются, и подсмывают, кому бы оказать благодеяние и милосердие и таким выборочным путем пытаются достичь каких-то целей. Но Господь, когда придет время, скажет им: «Идите от Мене, проклятии, во дни вечный, утопаянный диаволом и аггелом его» (Мф. 23, 41).

Давайте же мы с вами, братья и сестры, чтобы не лишиться милости Божией, самозванное иже Евангелие введем в свою жизнь. Не будем раздумывать: где мне выгода и что мне от того будет. Видишь: сейчас необходимо помочь человеку, — сделай, потому что это тот главный человек и то главное время, которые послал каждому из нас Господь. И это будет по Евангелию, это будет нашим христианским призыванием.

Я желаю всем, чтобы Господь исцелил нас, даровал нам терпение, понимание, волю непоколебимую. Когда мы слушаем, то еще кое-как соображаемся, что в общем-то правильно митрополит говорит, а как только выходим за пределы храма, наша воля — рассеянная и неустойчивая — быстро сбавляется на то, что не следует делать. И уходит то мгновение, которое нам послал Господь для доброго дела. Да не будет этого с нами! И да не уподобимся мы тем людям, которые прошли мимо больного и нуждающегося человека. Тогда Милосердный Господь не пройдет мимо нас. Аминь.

Верность в малом

Сегодня мы празднуем память Святых Отцов VII Вселенского Собора, на котором решался вопрос о прекращении гонений на иконопочитателей и о прекращении иконоборческой ереси. С тех пор прошло много лет. Сейчас мы прославляем святые иконы. Но не так давно в XX веке за иконы, за веру в Бога верующие преследовались, им создавались определенные препятствия в жизни, учебе и т.д. Во времена советской власти мы собирали каждый листок из Священного Писания, любое священное изображение из книг, литографий. Все украшали в рамочки, молились и благоговейно относились к этим образам. Мы молились не перед яркой и красивой иконой, а перед простым черным-белым образом Матери Божией или святых. И знали, верно, что Господь поможет нам.

Слава Богу, прошло время советского вавилонского плена, мы сейчас свободны. Но в настоящее время мы видим, как попирается святые. На улице, в мусорных ящиках, повсюду валяются газеты с изображениями Спасителя, Матери Божией, написаны целые абзацы о Боге или делах церковных. Мы осуждали то время, когда иконы сообрали с стен, закрашивались, сжигались. Но лучше сжигать священные изображения, чем попираť их, как это делаем мы сегодня. Мы выбираем иконы, которые покрашены, покрае и вешаем их в своей уютной. А на те, которые отпечатаны в журналах, газетах, не обращаем внимания и не считаем их святыми. Да, действительно, они не освещены, но на них же Спаситель и Его святые угодники.

Святые – наши предки, буквально исполняли слова: «Верный в мале, и во мнозе верен есть» (Лк. 16, 10). «Буди верен даже до смерти, – говорит Господь, – и дам ти венец живота» (Откр. 2, 10). Святые создавали: то, что Господь дал нам для этой земной жизни, мы должны беречь, подходить со всей ответственностью к тому, что нам поручено, с бережливостью относиться не только к людям – своим братьям и сестрам – но и к вещам, к имуществу, к растительному и жи-

Проповедь епископа Задонского Никона, викария Воронежско-Липецкой епархии.

Владимирский собор,
27 октября 2002 г.

вотному миру. Недаром старцы исповедывались даже в таких грехах: «Сломал веточку на дереве без всякой причины. Сорвал цветок, бросил. Выбросил недосаженную булоч-

«Отче, отпусти им, не ведают бо, что творят» (Лк. 23,34)

ку – кусочек». Но они этой исповедью обличали нас. Можно привести еще множество примеров, когда мы неверны в малом. Но старцы говорили, что и за это малое нам придется ответить: один большой грех, как камень, а мелкие грехи, как песок. Соберите этот песок – и вы не донесете. И на Страшном суде нам будет сказано: «Не веи вас, откуда есте: отпустите от Мене вси делатели неправды» (Лк. 13, 27).

Почитание икон заключается в нашем отношении к тому, кто изображен на них. Мы иногда просто механически, безразлично совершаем крестное знамение, а мысли уже ушли куда-то. Но те, кому мы так

«молсимся», видят нас, наше внутреннее устройство и наше внешнее отношение. И если мы вот так «просим» или, вернее, делаем круговые крестные движения, то так же и к нам относятся те, кого мы призываем.

Когда мы приходим к судье – как мы себя ведем? У нас сердце плачет, мы умоляем: «Помоги, защити, не осуди!» Мы чуть не встаем на колени, уже не устами просим, а сердцем. Точно так же нужно обращаться и к тем, кто изображен на иконе. Механический, безразличный образ нашей жизни привел к тому, что мы попираем все то, что нужно было бы беречь, сохранить, не допустить попирание святынь или святых образов...

Вот какой случай был в советское время в селе Новочеркутино Добрянского района. Там стоял величественный храм. Комсомольца, ну, а с ними, безусловно, и часть коммунистов устроили «поход на церковь». Пришли, приказали открыть храм, развели костер. Начали вносить кресты, иконы и тут же, возле паперты, сжигать. Вынесли деревянное изображение Спасителя в терновом венце, и некоторые стали над ним глумиться. Один подошел – одел Ему фуражку на голову, другой сушил папиросу в уста: на, мол, покури. Третий ножовкой отпилил голову и бросил в костер.

Изуродованное изображение сейчас находится в селе Мордово Тамбовской области. Многие приезжали в дом, где хранился эта святельня, сливали с изображения Спасителя воду – она освящалась, долгое время не портилась. Были также случаи исцеления.

Но какая кара была тем, кто все это совершил? То, что отпилили голову Спасителю, черви ели жадно и врачам ничем не могли ему помочь, отдал его домой. Он день и ночь кричал – слышно было на все село. И так через год с лишним он стигнул живым. Тот, кто папиросу Спасителю давал, очень быстро умер от рака горла. А тот, кто фуражку одел, восемь лет жил с сильнейшими головными болями, и постоянно ходил по улице села и говорил: «Да, меня Бог наказал за то, что я насмеялся над Ним». Так каждого из них покарал

Господь. Свидетели этого случая были до сих пор.

Наказание за уничтожение святых, храмов до его времени идет через теракты, рак, СПИД, через разные неизлечимые болезни. И ведомое в Священном Писании сказано, что за развращенную жизнь рода человеческого будут в нем неизлечимые язвы, раны, болезни.

Когда я еще служил на приходе, ко мне однажды подошла женщина и спрашивает: «Как бы причастить моего мужа? Он болен». Я говорю: «Ну, это очень легко». Я всегда был рад помочь людям – и сейчас, и раньше. Собрался и сказал, что завтра утром приеду. А жили они в селе Слава – это рядом с Пушкино. И вот приезжаю, захожу – сидит на кровати нагой человек, покрытый простыней. Стоит перед ним таз, и он постоянно туда плещет. Я спрашиваю: «А почему он не одетый?» Мне отвечают, что к его телу нельзя прикасаться – оно испытывает сильнейшие боли. Я говорю: «А как же я буду причастить, если он плещет? Почему он плещет?» Женщина отвечает: «Я так думаю, это за то, что он был пастух и ругался в Бога через каждое слово». И вот Господь покарал его за это страшное сквернословие. Я был поражен видом и наказанием этого человека.

Все катаклизмы, все события вокруг нас связаны с нашим грехом или грехом наших родителей, детей, внуков. А мы этого как-то не замечаем. Просто так Господь не отдает нас дьяволу. Ведь по словам преподобного Серафима Саровского бес может одним коготком мизинца перевернуть наш земной шар, и только Господь не дает ему уничтожить нас.

Да и дьявол не хочет нас умертвить просто так. Во времена гонений был случай, когда коммунисты каждый день ломком выбивали одному верующему по зубу. Он говорит:

– Да убейте меня, что вы меня мучаете?

– Убить – это слишком легко для тебя. Нам нужно, чтобы ты отрекся от Бога.

Так вот, дорогие, все то, что происходит – это за наши грехи. Мы плачем о том, что погибли невинные люди – а кто вам сказал, что они невинны? Сколько мы сделали убийств – и прямых, и косвенных? Ведь сейчас предохранение от беременности – в порядке вещей и ничего зазорного и греховного

здесь нет. Но Господь сказал: «*Распитание и множится, и наполните землю*» (Быт. 1, 28). Он говорит нам «рождайте», а мы убиваем. А когда приходит час расплаты, мы в ужасе, в большом смущении. Но святые отцы говорят: «Лучше, Господи, меня здесь накажи, не жли там». Там будет расплата невообразимая для нас. Это страшная участь пленника, когда демоны всю силу

«Отец наш, и не веди нас во искушение» - Лк. 11,4

и ярость выдают на наши души, издеваясь и мучая. И, притом, беззачетно, потому что душой мы будем безсмертны.

Но никто не хочет менять свой образ жизни. Мы устрашаемея всех этих систем: идентификации, глобализации, переноса, страховых, мезинских систем и т.д. Мы боимся их: а вдруг они нас погубят. А то, что себя погубили блудной, развратной жизнью, об этом мы не думаем.

Когда раньше наши предки читали Евангелие и доходили до тех слов, где Господь сказал: «*О, роде непертый и развращенный, доколе буду с вами; доколе терплю вас*» (Мф. 17, 17), – то многие, вероятно, сомневались: как может весь род быть развращенный и лукавый? Но когда сейчас мы смотрим на современное человечество, то видим, что действительно наш род лукавый и развращенный. Почему? Да потому что все мировые трагедии – это наказание за разврат и безбожие. Мы спрашиваем: «Почему Господь попускает?»

Человек шел взорвать храм. И не доходя до него, бомба сработала, среагировав на сотовый телефон.

Террориста разорвало на куски. Этот пример показывает нам, что все зависит от Бога и от нашей греховности. Если Господь не допустит, никто ничего не сделает. Но ушли мы от Бога, и Ангел Хранитель от нас отошел... Мы ведь Господа попираем: священные изображения можно увидеть и на дороге, и в урнах, мусорных ящиках, в туалетах, и т.д.

И вы думаете, что кто-то, если увидит лежащую на улице газету с изображением Христа, поднимет, чтоб сжечь этот клочок бумаги? Все нет. Мы все считаем, что это малое. Но Господь говорит: «*Если в малом будешь верен...*». А если: ни я, ни вы – никто не верен в малом. Потому что суега суега, увеличение напряжения нашей жизни привели к тому, что мы спешим, нам всегда некогда, думаем – это все частности, это все неважно, можно и обойти эту мелочь. Некогда нам. Оправдываясь этим, утром мы идем и трудимся, не прочитав утреннее правило, не помолвившись; не прочитав вечерние молитвы, ложимся спать.

А ведь эта поспешность может стать нашим гробом. И все те казусы для нас мелочи являются нашей жизнью. А охранять нас на всяком пути должна наша духовная деятельность, желание исправиться, сердечное сокрушение. Нам надо так стоять пред образом, чтобы не просто ждать, когда же закончится служба, а чтобы из Дома Божиего мы вышли с очищенной душой, поплакая, внутренне поскорбев, что всю жизнь жили ради мира и своей плоти.

И все же, ниша достаток во всем, мы ничего не приобрели. Вы думаете, что это Горбачев отнял у нас богатства, которые мы собирали? А кто вам дал то богатство? Ведь в нашей стране творились дьявольские дела, потому дьявол и забрал все: наши сбережения, пенсии и «клады», на которые мы так надеялись. Сейчас мы в нищете. А если бы жили с Богом, почитали Его, то Господь дал бы нам возможность жить нормально. Конечно, не в той роскоши, той сытости, которой желал наша плоть. Святые отцы говорят, что наше тело подобно ослу – если его перекормить, он взбесится. А душа наша скорбит о Боге. Он дал бы нам нужное на потребу, чтобы мы, прожив эту земную жизнь, приготовили себя к вечности. Аминь.

Что светильник в доме, то есть вера живая в сердце человеческом. Светильник зажигается от человека: светильник веры зажигается от Духа Святого чрез слышанное слово Божие, по писанию: *вера от слуха, слух же глаголом Божиим* (Рим. 10, 17). Когда светильник в доме горит и сияет: все ясно в доме, и живущий в нем все видит, и ходящие не претыкаются, и всяк свое дело делает, как от светильника всяк освещается; так, когда светильник веры в сердце сияет, человек все духовное ясно видит: Бога невидимого, как видимого, и прочее невидимое, как видимое, видит, и дела христианскому званью приличные делает. Когда светильника в доме не имеется, тьма в доме есть; так, когда светильника веры в сердце человеческом не имеется, не иное что там есть, как только тьма и всякое заблуждение. Чтобы светильник веры в сердце не угаснул, должно: читать и слушать и рассуждать слово Божие и прочие христианские книги, молиться прилежно Богу, причащаться Святых и Животворящих Таин Тела и Крови Христовы, дела милости творить. *Благочини ко милостивии, जो тии домыслиши кудит* (Мф. 5, 7).

Знаки светильника веры, в сердце человеческом горящего, в Святом Писании таковы:

- 1) такой человек слово Божие читает и слушает и в нем прилежно поучается;
- 2) Бога сердечно призывает, молится и благодарит за все Его благодеяния;
- 3) со всяким усердием старается жить достойно звания христианского и Благочини;
- 4) веру свою к Богу оскверняет добрыми делами, как требует Апостол: *покази ми веру твою от дел твоих* (Иак. 2, 18);
- 5) всякого греха бережется и против всякого греха подвизается, и не допускает, чтобы он впадал в;
- 6) в мире сем живет, как странник; и привалец, и всегда к ижеиному отечеству сердечные очи возводит и воздыхает, и потому к мирским вещам не прилепляется сердцем, но все со страхом и к нужде употребляет. Такого ничего в мире сем не веселит, кроме единго Бога и надежды вечного живота;
- 7) живой знак светильника веры, горящего в сердце человеческом, есть радость духовная, в сердце ощущаемая, радость о Духе Святом, радость о Боге, каковая радость в псалмах изображается: *сердце мое и плоть моя возрадовашася о Бже живи* (Пс. 83, 3). Ино где вера к Богу, там и любовь к Богу; где лю-

НАСТАВЛЕНИЕ СВЯТЫХ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО

СВЕТИЛЬНИК ВЕРЫ

бовя к Богу, там и радость о Боге. Что людем, о том и радуемся. От сего видно, какие знаки веры, в сердце человеческом угасшие, а именно:

- 1) беззаконие и слово Божие противное житию. У блудника, прелюбодия, лихоумца, насильника и гонителя угасла вера; у злого, ненавистного и отщепенца дышащего угасла вера; у клеветника, досадителя, укорителя, поносителя и ругателя угасла вера; у лицемера, лживого и льстивого угасла вера; самою, у всякого беззаконника, который совести своей не хранит, но против ее поступает, угасла вера, но вместо светильника веры тьма в нем неведения Божия. Какое участие света с тьмой? Свет — вера, тьма — беззаконное житие. Какое ощущение веры с тьмой беззаконного жития? Таин хочь Богу и молится, но лицемерно, так как сердца их далеко от Бога отстоит. Им причастствует Божие слово: *приближаются Ане ладие стн усты своими, и устнами чтут Ане; сердце же их далеко отстоит от Ане* (Мф. 15, 8; Ис. 29, 13);

- 2) презрение Божиего слова и от Него отвращение;
- 3) оставление молитвы;
- 4) удаление от причастия Святых Таин Христовых; без них вера вянет и сохраняется в сердце человеческом не может;
- 5) пристрастие к временным вещам, богатству, чести, славе и роскоши; вера же есть дар небесный, потому сердце человеческое от земного мудрования отбывает и поднимает к мудроанию небесному. Такой человек грешит против апостольского слова: *судия мудствуете, а не земная, и проч.* (Кол. 3, 2).

Христиане, которые имеют светильник веры, горящий в сердцах своих, и его до конца будут иметь, изыдут в сретение Жениху Христу, пришедшему судить живых мертвых, и с Ним войдут в чертог небесный, как мудрые деви: *куда убо верен, даже до смерти* (имеющий этот светильник в себе), *и даст ти венец живота*, говорит тебе Христос Господь (Откр. 2, 10). А которые светильника этого не будут иметь в сердцах своих, таин не сподобятся встретить Христа Царя, и до чертога этого не будут допущены, но вне его останутся и услышат от Христа Царя: *не вни в ас* (Мф. 25, 12). Христиане, страшно слово это слышать от Христа христианам: не вни в ас! Обратитесь же всем сердцем к Богу, да и живи светильник каководатно Богу зажегши. *Встани слепи, и воскресни от мертвых, и освяти тн Христос* (Еф. 5, 14). *Ты просветиши светильник твой; Господи: Боже мой, просветиши тьму мою* (Пс. 17, 29).

Теперь объявляю о святительской его особе, как он жизнь свою в келлии проводил в Богородицком Задонском монастыре, равно и о подвигих им богоугодных подвижках и трудах: поелику я, убогий, зрителем был оных.

Первое. Он имел обычай всегда во время обеденного стола слушать чтение Священного Писания Ветхого Завета; я же и читывал оное. Но при сем замечательно и то, как велика и горяча была его любовь к Богу. Он редко кушал без умиленных слез, а паче, когда читали книгу Исая пророка. Иногда прикажет: «Глаголи читай сию же главу»; сам, положив ложку, начнет плакать. Но при сем же и сие замечательно, какая искренняя любовь его была и к ближним: почти всякой день, когда садят за стол, обыкновенно говорил: «Слава Богу; вот какая у меня хорошая пища, а собратия моя — иной, бедный, в темнице сидит, а иной нуждную пищу имеет, а иной без соли ест, — и скажет: — Но горе мне, оказавному!» В вечернее ж время Новый Завет я ж читывал, но тем бывало продолжительно, что спрашивает: «Разумеешь ли, что читаешь?» — Скажешь: «Нет, я не могу понять сего»; а он скажет: «Вот я объясню тебе». Иногда час и более объясняет.

Ночи он имел привычку проводить без сна, а ложился на рассвете. Упражнения его были и в ночное время молитвы с посланиями, но при этом не хладные его молитвы были, но самые горячие, от сокрушенного сердца происходили, так что иногда и слышно возвел он: «Господи, помилуй! Господи, пощади!» И присовокуплял еще: «Кормилец, помилуй!» Сам же главою ударял об пол. Все же сие происходило в нем от великого внутреннего жара и любви Богу. Но также в самую полночь выходил в переднюю келлию, пел тихо и умиленно псалмы святые. Замечательно¹, когда он был в мрачных мыслях, тогда пел псалом: *Благо мне, яко сплрхлзлм ест²*

Разделявшие радости и скорби

Из воспоминаний
келейников
святителя Тихона

Записки
В. И. ЧЕБОТАРЕВА
(часть 3)

и прочие. Когда же в ведренных³ мыслях, пел псалом: *Хвалите Господа с небес⁴* и прочие утешительные псалмы, и всегда с умиленны-

ми слезами и сердечным вздыханием.

После обеденного стола имел он криткое отдохновение: час, иногда и более; ставши, читал жития святых отцов и прочие книги. В летнее же вре-

мя прохаживался в монастырском саду и за монастырем. На случай же крайней надобности к нему он призывал: «Когда тебе необходимая надобность ко мне, не доходи покашлий, чтобы я оглушался». Так и делал я. Но однажды случилось, когда он был в саду, я, не подходя к нему, много кашлял, но он в таком глубокомыслен был, что ничего не чувствовал, сам же на коленях стоял лицом на восток, руки поднявши к небесам. Я подошел и сказал: «Ваше Пресвященство!» Он так истушевался, да же пот пошел из него, почему и сказал мне: «Вот, сердце у меня как голубь дрожит; ведь я тебе давно говорил, чтобы, не доходя до меня, покашлишь; скажешь, что я кашлял, но «я же не слышал», скажет».

Никогда и никогда не ходил и не садил он без Псалтири, но всегда при себе имел оную за пазухою, ибо она была маленькая, а наконеч⁵ он ее всю и вынуть читал; ею он и благословлял меня. Дорого, куда отъезжал,

он всегда читал Псалтирь, а иногда и глаголю пел, и мне посылал, либо какой текст объяснит. Всякой день он к литургии ходил и сам на криле⁶ певал, и редко когда без слез пел. И так сказать, в нем был особенный дар Божий слез, всегда два источника истекали из очей его. Редко-редко улыбаются он чему-нибудь и в ту же минуту скажет: «Господи, прости; я согрешил пред Тобою оказавший». Придворно он весьма остергался, но разговоры его обыкновенно были всегда о вечной муке и о вечном блаженстве, также вообще о пороках и о христианских добродетелях. Он от природы острую память имел, так что все Священное Писание, Ветхий и Новый Завет у него в памяти были, и когда станет говорить о какой-либо материи⁷, всегда приводил в доказательство тексты из Священного Писания, в какой книге и в какой главе, сказывал; также и из житий святых отцев причинное митерию сказывал. Он мало и редко раз оваривал о свет-

¹ Примечательно.

² Пс. 118, 71.

³ Спокойных, радостных.

⁴ Пс. 148, 1.

⁵ Под конец, в последнее время.

⁶ Кипрское (просторечн.).

⁷ Предмете, понятии.

ских делах, разве с благородными о воинских действиях, и то редко говорил, но первые⁹ его разговоры были о вечности.

Когда же на него находило искушение, то он говорил: «Не знаю, куда себя девать, братец; или ты не чувствуешь, что в кельеи смрад?» Скажешь: «Я не чувствую». Он скажет: «Возьми дегтю и налей на пол», ибо дегтяный запах любил. Или скажет: «Поедем в Липовку». Село это расстоянием в 15 верстах от Задонска, господ Бехтеревых. Там был и господский дом; господа же сами там не жили. Временем он отъезжал туда и жил там месяца по два и более, где при нем были я и повар. В оном селе священник один был, и служба в церкви отправления была токмо¹⁰ в воскресные и

праздничные дни, в простые же дни Преосвященный сам отправлял в доме вечерню, утреню и часы, и при нем я один только бывал и читывал. Дважды и в Толшевский монастырь отъезжал он, именно: в 1771 и 1776 годах; я ж при нем один тамо бывал, ибо я, убогий, отправлял всю его кельеиную потребность. Он тамо располагался¹¹ и навсегда жить и кончить жизнь свою; но вода тамо гнилая была и около монастыря все место болотистое, от чего он в великую слабость приходил. Неоднократно он говорил мне тамо: «Вот здесь на монастырь походит, самая монастырская и уединенная здесь жизнь. Ах! — скажет, — когда бы не вода здесь такая гнилая, не подумал бы я никогда в ином монастыре жить, истину тебе говорю». Он всегда тамо спокойные мысли имел и всегда веселее был. К литургии и на вечернее пение всякий день ходил в церковь и на крилосе пел, а по воскресным дням, в праздники и во всю Светлую седмицу в трапезу ходил и с монахами кушал (а в Задонском

монастыре в трапезе не кушал ни единожды). В Толшевском монастыре в полунощное время один около церкви обоживал и пред всеми дверями с коленипреклонением молился и горячие слезы проливал, чего и я зрителем бывал. Прислушавшись, бывало, он читает: *Слава* в

вышше Богу и прочее, также и псалмы святые. Пред западными же дверями с полчася и более малывали и шаки скорыми шагами в келью возвращался. Тамо он и в вязях¹² трудах находился, ибо временем сам и дрова рубил. Прикажет мне: «Наточи топор хорошенько и рукавицы свои принеси мне, я дров нарублю себе на печку, авось-либо поразобью¹³ кровь себе, может быть, и по здоровее буду». Однажды прохаживался он за монастырем и, пришед в келью, сказал мне: «Я нашел в лесу лежащую колоду¹⁴, из которой дров воза два или более будет; возьми топор, пойдём и раздробим ее, а то ты, братец, дрова-то покупаем». Мы пошли в лес и начали колоть. Он же разделся и колот в одной рубашке, и говорит мне: «Так я умаялся, даже пить захотел; сходи, пожадуй, в монастырь, принеси кивсу». Так он собою подавал мне пример к трудолюбию. Он ничем так не оскорблялся, как когда, пришед к нам, бывало, в Задонске, заставлял нас в праздности. Он часто говари-

вал нам: «Кто в праздности живёт, тот непрестанно грешит». Сам же он никогда в праздности не бывал: утром, до обеда, писал душевнотельные книги, которые ныне существуют в свете, и пользуются на многие, ищущие душевного спасения; а некоторых дознал я, кои от чтения его книг презреи свету мира его взяли крест свой и потекли во след Христа. О, сколь многих людей, жаждущих вечного спасения, духовная струя сия напояла в маловажнейшей сей жизни, но и по преставлении его в блаженную вечность напоят своими душевнотельными сочинениями! Любовь же его ко всем была неизменяемая: он сказывал, что я-де временем в мыслях своих чувствовал, что всея бы людей обнимал и целовал, а иногда, бывало, ощущал в себе отвращение от всех; искушение сие и нередко чувствовал.

У него всегда простирался мысленно ко уединению и пустынной жизни, о чем он часто говорил: «Если бы можно было, я бы и сей сан с себя сложил, и не токмо сан, но и клобук и рясу снял с себя и сказал бы себе, что я простой мужик, и пошел бы себе в самый пустынный монастырь и употребил бы себя в работу, как-то: дрова рубить, воду носить, муку сеять, хлеба печь и прочее; но та беда, что у нас в России сего сделать не можно». Также говорил часто и об Афонской Горе: «Тамо много наши братья, епископы, оставя епархии, живут по монастырям во уединении». Когда же проеддем бывали у него из Афонской Горе греческие архимандриты, он много с ними разговаривал о их монастырях и о монастырской жизни и с великим вниманием слушал их; когда же выходили от него, то он благословит их и скажет: «Прощай, возлюбленне, вот мой низкий поклон святым отцам, живущим на Афонской Горе; и прошу тебя, чтобы ты усердно попросил их, дабы они в своих святых молитвах помнили мое оканье тво».

⁹ Главные.

¹⁰ Только.

¹¹ Располагал.

¹² Больших.

¹³ Разглаго, разогреть.

¹⁴ Толстое бревно.

История Задонского Богородицкого мужского монастыря

Часть 15

В документах Государственного Архива Ленинградской области сохранился составленный бывшим благочинным Задонского Богородицкого монастыря иеромонахом Пиюном список монашествующих, оставшихся в обители на 1 августа 1923 года.

За строками этого списка – постановление так называемого «Поместного Собора», созванного «обновленцами» для закрепления захваченной ими власти в Русской Православной Церкви. Открывшийся 2 мая 1923 года обновленческий собор, помимо прочих принял определение о монастырях. В «определении» объявлялось о решении закрыть все городские монастыри и одновременно «благословить союзы и братства христианско-трудовых общин в существующих монастырях вдали от городов».

Задонский Богородицкий монастырь, как городской, подлежал окончательному реформированию. Поэтому список его насельников составлен таким образом, чтобы показать – никакого монастыря на деле не существует, а есть лишь рабочая артель из бывшего духовенства обители, трудящаяся на свечном заводе и приготавливающая тех, кто не в силах добыть себе пропитание самостоятельно.

Из 38 человек, указанных в списке, 9 числятся чернорабочими, 7 (включая настоятеля) названы работниками свечного завода, один – сапожник, один – лажкорез, один – специалист по ремонту прилавок. Указан среди прочих и фельдшер.

Про остальных же, упомянутых в списке о. Пиюна, в том числе и про самого автора реестра, сказано так: «питаются приношением добрых граждан города Задонска».

Под властью безбожной

Возглавлял братию архимандрит Никандр, возведенный в сан в 1923 году. В его ведении, как явствует из документов, находились все вопросы организационного характера. Архимандрит Никандр (в миру Никита

стей на Церковь, – вспоминал позднее иеромонах Нифонт (Бахтвров).

До 1925 года основной доход общины монашествующих получала от свечного завода, продукция которого расхищалась по церквям города и уезда. Заведовал работой заводчика иеромонах Ювеналий. В течение некоторого времени (в 1924 – начале 1925 года) свечное производство по распоряжению архимандрита Никандра было зарегистрировано из

тактических соображений на задонского торговца А. А. Бакулина, который, по воспоминаниям иеромонаха Иоанникия, «получал за марку 10 рублей в месяц». А когда наметились перемены к лучшему, завод был вновь зарегистрирован на «коллектива», представлявший монашескую общину Задонского Богородицкого монастыря.

Выручка от завода поступала в общую монастырскую кассу, куда также поступали и деньги, заработанные отдельными монахами. Ведал кассой архимандрит Никандр.

А вот своей церкви в течение нескольких лет Богородицкие монахи не имели.

Хоть и сказано в ответе на запрос из губернии от 28 сентября 1922 года, подписанном начальником Задонской уездной милиции, что «все храмы монастыря и города переданы общине верующих по договору с исполкомом», но возглавлявшая эту община епископом из «обновленцев». Они и совершали богослужения в бывших монастырских храмах, объявив себя заодно хранителями мощей святителя Тихона. Истинные же хранители – Богородицкие монахи – все эти годы имели лишь возможность присутствовать на богослужениях, совершавшихся раскольниками.

Алексеевич Стуров) происходил из крестьян села Малвино (Малвино), расположенного близ Хлевного.

Духовно же окормлял братию пользовавшийся всеобщим уважением 80-летний архимандрит Тимолай, бывший афонский монах, пребывавший в Задонском Богородицком монастыре на покое. Пока позволяли силы, архимандрит Тимолай работал над созданием общиняющего труда, стремясь оставить для потомков память о страшных годах гонений, пережитых Церковью.

— Архимандрит Тимолай жаловался и скорбел, что приближающаяся смерть не дает закончить труды. Основное их содержание сводилось к критике декрета об отделении Церкви от государства и там же приводились случаи гонения со стороны вла-

Лишь в Троицкой церкви Скорбященского женского монастыря, также сохранившего верность Святейшему Патриарху Тихону, могли совершаться богослужения иеромонахи старшей обители города. За этим храмом, в частности, с 1923 года закреплен был иеродиакон Задонского Богородицкого монастыря Иларион (Фролов) Илья Дмитриевич, 1869 года рождения).

А вот в 1925 году ситуация в Задонске для духовенства, неразрывавшего канонического общения с Московским Патриаршам престолом, изменилась. На некоторое время она становится более благоприятной, чем в предыдущие годы.

Монашеской общине была передана бывшая больничная церковь во имя святого Тихона Амафунтского, располагавшаяся в городском саду. Храм, видимо, как принадлежавший ранее «обновленцам», 12 января 1925 года был заново освящен. Теперь главным стал приход во имя святителя Николая, Чудотворца Мир Ликийских. Избрание святого покровителя новоосвященной церкви, думаем, не случайно — это негласная память об обновленце Царе-страстотерпе Николае II. Исполняя обязанности приходского священника Никольской церкви митрополит Воронежский Владимир (Шимкович) назначил иеромонаха Пиюния (Паптегелемона) Николаевича Ермоленко, 1876 года рождения). Служил ему иеродиакон Виктор (Василий Григорьевич Дубинин), отличавшийся мочучим телосложением и завидным басом. Обязанности псаломщика выполнял иеромонах Нифонт.

Началось также постепенное вытеснение «обновленцев» с сельских приходов. Так, игумен Нафанаил уже с 1925 года исполнял обязанности приходского священника в храме села Верхнее Казачье.

Причиной распада на приходы меня и других иеромонахов послужило то обстоятельство, что приходы не принимали красных обновленческих священников, — вспомнил он впоследствии.

Иеромонах Прокотий (Бондарев) совершал службы в церкви села Утино, иеромонах Митрофан (Вахтин) окормлял прихожан храма села Донское.

В 1926 году епископом Воронежским Петром (Зверевым), по представлению архимандрита Никсандра, рукоположен был в иеромонаха иеродиакон Иоаннович (Иван Митрофанович Стукалов, 1883 года рождения). Предположительно, с того момента о. Иоаннович становится

Святомученик Сергий (Зверев), архиепископ Смоленский

вторым по значению во внутренней иерархии Богородицкого монастыря. В частности, об этом недвусмысленно говорит такие слова иеромонаха Мануила: «В нашем монастыре существовал обычай, что по смерти кого-либо ведали всеми секретами и вещами старшие чины. Таковыми, за смертью находившегося у нас на покое архимандрита Тимолая, были архимандрит Никсандр и Иоаннисий».

Ковчег архимандрита Тимолая последовала в 1927 году. Похороны его собрали как братию, с почтением относившуюся к этому осызкому духом старцу, так и миряи, почитавших его за человека Божьего. Оставшиеся по смерти архимандрита Тимолая рукописи были наележно скрыты от посторонних глаз архимандритом Никсандром. Позднее они так и не были найдены.

Впрочем, и по смерти отца Тимолая не остались задонцы без духовного окормления. Некоторое время проживал здесь на покое некий епископ Сергий, «почитавшийся верующими за святого», по воспомина-

ям очевидцев. Службы, которые он с нарочитой монастырской неспешностью совершал в Троицкой церкви Троице-Тихоновского (Скорбященского) женского монастыря собирали столько прихожан, что порохрам не мог вместить всех желающих. И все выставляли долгие службы безрозовито, дожидаясь архипастырского слова — таков был дар этого проповедника.

К сожалению, точно неизвестно, что за епископ Сергий находился в Задонске приблизительно до 1928 года. В показанных регента П. И. Ковылевой упоминается лишь, что проживал он в Скорбященском монастыре и из Задонска отбыл в Уфу. Но Уфимскую кафедру в 1928 году занимали Питирим (Лодыгин), Иов (Веселов) и Иоанн (Поляков), остававшийся в Уфе до 1933 года. Следовательно, отъезд владыки Сергия не был связан с назначением на Уфимскую кафедру. Видимо, он продолжал пребывать за штатом, на покое. В таком случае среди прочего соименного епископата того времени можно выделить епископа Сергия (Сергей Михайлович Зверев), в 1926 году приговоренного к двум годам ссылки. В 1927 году он был возведен в сан архиепископа, по окончании ссылки, в 1929-1935 годах, архиепископ Елецкий. Арестован в 1935 году и расстрелян 20 ноября 1937 года в Карагандинском концлагере. Владыка Сергий, принявший мученическую кончину, приписан к лику святых Русской Православной Церкви.

Год 1928 стал последним годом существования Задонского Богородицкого монастыря. Наступала новая волна суровых гонений на Русскую Православную Церковь. «1929-1931-й — годы принудительной коллективизации и массового раскулачивания, иными словами ограбленными состоятельными крестьян и репрессий против них, вошедши в историю как время «великого перелома», по словам А. И. Солженицына, переломе хребта русского народа. Эти годы неспирности гонений на Православную Церковь сравнимы разве что с кровавыми событиями 1922-го, а по масштабам далеко превзошли их», — так оценивает наступившую тяжелую годину протоиерей В. Цыпин.

В Тбилиси Батюшка мне как-то раз сказал: «Когда мы будем в Воронеже, мы дадим тебе телеграмму, и ты к нам туда приедешь». А мы у него были в мае. Сизю я дома, уже лето прошло. И вот осенью, в сентябре, мне телеграмма: «Мы в Воронеже по такому-то адресу». Это был 1974 год.

И я еду в Воронеж. Даю телеграмму, чтобы они меня встретили. Батюшка их предупредил. Ну, они встречают, думают, что там матушка едет какая-то. А тут вышла в бьюках, в завивке. И они просто яли, я мимо них прошла, такси наняла и уехала. Приехала по этому адресу — хата закрыта, сизю на скамейке. И вот они подзывают, я говорю: «Ну что же вы меня так встречаете?» Они говорят: «Мы же не думали, что такая может приехать. Мы думали, что матушка, а это... Как ты ехала к старцу? Почему ты в бьюках?» А у меня и перстни на руках. Я говорю: «А как?» Я считала, что так и надо. Я у них осталась, надела костюм.

Но Батюшка в то время уже из Воронежа уехал в Бурдино и остановился у матушки Зиновии — она тогда была Нина. И мама ее с ней жила, и тетя. Они еще хатку строили. Приехала я. Тут они меня к Батюшке привели, и с ним встретилась. Мать Мария говорит: «Ты будешь около Батюшки». Дай ей Бог доброго здоровья: она очень много уделила нам в то время внимания. Как он, бывало, скажет: «Она, наверно, вас любит, что примет». А я говорю: «Да нет, Батюшка, — через Вас». Так вот я у них, значит, и живу.

Стоит их хата — дом, а через дорогу в саду (сад большой у них) была келейка, и мы туда пошли: Батюшка, я и Мария. Келейка такая, что если бя, например, голову подняла и выпрямилась, то потолок продавляла бы, за счет моего высокого роста: так надо согнуться. А там была лавочка и икона: Матерь Божия. И Батюшка подвигался, молился в этой келье. Владыке Нику он говорил, что там ему являлась Матерь Божия.

Пришли мы в келию, и тут у порожка Батюшка меня положил, а сам вышел. Мне что-то так страш-

ЧЕЛОВЕК БОЖИИ

Блаженной памяти схархимадрита Виталия посвящается

*Глава 4
Из воспоминаний
монахини Андроники
(Пискуревой)
(часть 2)*

но стало, что я не могу: вот села и сизю, такая меня лихоманка бьет. Он зашел и говорит:

- А что ты не спишь?
- Батюшка, а мне страшно.

Волынский храм в селе Бурдино

— А что ж ты боишься? Вот Матерь Божия, — показывает. А у них там стоит икона во весь рост. — ...А ты боишься!..

Я легла, он меня перекрестил, ну, я и заснула, сразу в глубокий сон погрузилась.

Назавтра утром мы встаем и собираемся на рыбалку. Мать Мария говорит: «Мотыж берите с собой». Едет матушка Нина, Батюшка и берут меня. Мы пошли, спустились по саду — и тут озеро. Сели в лодку. Батюшка и Нина закидывают удочки, а я сизю, потому что у меня ни-

чего не клюет. А они только успевают вытаскивать карпа. И вдруг Батюшка закинул удочку и на меня смотрит. И показывает так: молчать, значит. Я молчу. А он удочку водит, водит, водит — очень долго, а на меня все время смотрит. А потом подгнул, рука у него такая ловкая — раз! рукою — и в лодку большого карпа. И говорит: «Видела, как брать тяжело большую рыбу? — а сам улыбается. — Видишь, сколько надо терпения, чтобы ее звать?» Теперь-то я понимаю, сколько он над нами, беднький, помучился, чтобы вытаскил нас из грязи!

После рыбалки привезли фанеру, и мы носили ее матушкам: они же хату строили. И я носила с ним. Кончили, ужинать сели. Матушка вскинулась — Батюшка уже без брюк.

- Где ты брюки делал?
- Не знаю.
- Кому ты отдал?

Настам было 12 человек, и он всех спрашивает:

— Моты, ты видела, кому я отдал?

— Нет, Батюшка, не знаю...

Когда он умудрился, когда он снял? И когда он их отдал? Может, какому-то из водителей? Ну, никто — вот сколько нас было — никто не видел!

Матушка же его гонвет за это, а он так делал: опускается, опускается вниз, съезжает по стулу под стол...

Потом вечером на следующий день пришел отец Макарий, и мы сидим. Я на мешках жита, а они за столиком: мать Мария, отец Макарий и Батюшка напротив меня. Вот отец Макарий и говорит: «Батюшка, что мы Мотыже споем?» А он так улыбулся: «Будем петь «Да испраивается молитва моя». И запели мне — у меня навернулись слезы. А потом «Елицы во Христа креститесь». Пропели — тут я уже плакать начала. А потом «Ты не пой соловей возле кельи моей» — ну, тут я уже навзрыд, конечно.

Когда я была в Бурдино, он мне подарил икону. А я думаю: «Что он мне за "батюшку" подарил?» Я привела да поставила ее. А потом, когда через нечука клад, говорит: «Подари мне какую-нибудь икону». А мне жалко. Я ему: «На тебе батюш-

ку», — и отдала... Тихона Задонского! Потом проходят годы, и через тридцать лет я еду сюда, в Задонск, на праздник Святого Тихона...

Я прошу у них благословения: Воздвижение, а у отца Власия престольный праздник. И они меня ведут туда: в Бурдино, в церковь. Мы пришли, а там, оказывается, какой-то тайный монастырь. И вот мы сидим, и вдруг идет матушка — матушка Акилина, такая старница была там в Бурдино. И она сразу к отцу Виталию кинулась: «Ой, родной ты мой, солнышко ты мое ясное!» И он ее целует, она его целует, обнимаются, друг другу ноги целуют. Она: «Я от Кухни только». Ну и долго с ним беседует. А потом она выходит, чтобы идти, а я так у порожка сижу и говорю:

— Матушка, помолитесь: у меня еще сестра есть — в море ходит.

— Да скоро ее волны выкинут на берег. Ты еще поплачешь, — и пошла.

Пришли мы на осеннюю, а я в таком костюме светлом, бежем: шерстяная юбка и кофта — пиджак. Мать Акилина подходит вечером и тайно меня за юбку: «Черную, длинную надо, а не эту».

* * *

Отправляю меня домой, а я прошу у них: «Благословите меня уехать в Мурманск». Отец Власий говорит: «Да тебя там сразу проглотит белый медведь». А Батюшка молчит, ничего не отвечает. А потом говорит: «Я тебе расскажу одну притчу. Жили два монаха: старый и молодой. И молодой все ворчал: «Брошу старого, уеду». А ему явился Господь в виде Ангела и говорит: «Потерпи, тебе немного осталось». И он остался. И вот они плетут корзины — старый и молодой — и носят на базар продавать. В один день старый собрался с корзинами идти на базар, а молодой говорит: «Не ходи. Не ходи», — и вечером пришла смерть... Вот такую притчу сказал

мне. И они проводили меня домой. Я так и остался в Глухове.

А после Владыка Зиновий мне в Тбилиси говорит: «Мотя, ты должна досмотреть папу. Маму досмотрела, надо папу досмотреть, а потом ты будешь вольная птица». И так я осталась с отцом, и стали мы к Батюшке ездить.

Через год приезжает Батюшка и папу постригает в монахи. Уже

крыла стол, ставлю бутылку водки на стол, балзам, рюмки поставила. А он и говорит: «Кто желает, пусть выпивает». Мне так стыдно стало, я собрала эти бутылки, стала прятать в сервант.

А потом на следующий день начал исповедовать всех людей, которые приходили к нам, — у нас в комнате исповедовал. До утра с ними сидит на полу и им всем каждому говорит. Я, конечно, уставшая, завтра на работу надо идти.

И он у нас целую неделю тут прожил. Окропил нам временяку — временяку у нас была в старой хате, и тут он уже благословил строить дом. И мы по его благословению и поля разломали старую хату, а под Покров уже вошли в новую. Папа не ходил, лежал парализованный — выходя, это только мы строили хату. Она мгновенно выросла. Бегу только: «Матерь Божия — помоги!» —

Крестный ход в селе Бурдино с Иверской иконой Божией Матери.
Отец Виталий — справа.

он Батюшкой Венедиктом приехал, когда постригал. Отец долго несогласился, боялся. Он говорит: «Я недостойный, я боюсь». И Батюшка двое суток сидел возле него, молился. Ну, хоть и при старцах, а все равно: разве ж мы достойные были? Мы сами — грешные. Нет, это очень серьезно. И отец боялся, он говорит: «Я недостойный». А потом он меня назвал: «Вот Батюшка уговаривает меня принять монашество». Я отвечаю: «Да ты что ж? Хватяйся, пока есть такая возможность!» И назавтра — постриг. И Батюшка ему сам и отец, и мать. Это незабвенно!.. Были там еще две монахини: Евстолия и Харитина. И я стояла...

А папа был парализованный — не поднимались ноги. И вот Батюшка говорит: «Он поднимется. Он еще проживет и будет ходить». И, действительно, папа после пострига поднялся и семь лет ходил.

Когда отец Виталий приехал к нам в Глухов папу постригать, я с Терещенка встретила их — они с Одессы ехали. Напекла пирогов, на-

надо доски там достать или стекловату, или воды привезти. «Батюшка, роденький, помоги!» — идет навстречу машина с водою — уже вода во дворе. Работники, которые строили у нас дом, говорили, как они такого еще не видели: как это может простая одинокая женщина так справляться? Ну, мгновенно все невидимо посыпалось. И сами — откуда у нас сила бралась — сами и drankовали, и мазали. Короче, за эти два месяца мы вошли в новый дом совсем — нам уже ничего не надо было делать.

Я сначала занесла иконы, а потом дала папе костыль, заставляла подниматься и говорю: «Поднимайся, иди» — он боялся. «Ну, — говорю, — что ж ты такой? Иди!» Правда, сначала за плечо мое поддерживался, а потом пошел и в новой хате он уже стал ходить. И семь лет проходил. Мне Батюшка говорит:

— Ты должна брать благословение у папы.

— Ну что Вы, Батюшка? У Вас же буду брать, а у него нет.

— Почему?

— А потому что он возгордится, не хочу.

Я всегда так боялась — я приезжаю и говорю: «Батюшка, я хожу в ночь, в час ночи возвращаюсь с работы. Но вдруг я приду — а он мертвый?!» А видите, как Господь дал: ночью, на Новый год я легла спать, и вдруг где-то часа в три удар мне в грудь. И я открываю глаза — Батюшка передо мной стоит во всем черном: в подряснике. И от меня раз- и побежал. Мне кажется, я его наяву видела. Я подхватила и к сестре: «Мария, Батюшка сейчас в хате был». Она говорит: «Все понятно, что с тобой делается». Я встала, отправилась на смену, пришла с работы — и утром папу парализовало. Он полежал семь дней — причастили, пособоровали — и на седьмой день умер.

Батюшка служил по папе три панхимы и сорок литургий зазывал: надо было вымаливать.

* * *

Вале Батюшка посылал такие посылки в море: простая литровая баночка обшита тряпчочкой. Лимон, курага, перетертый мед — и вот в такой баночке. Получает она невредимую посылку, баночка не разбивается, приходит в море — в Мурманск летит самолетом, а потом, когда идут пароходы, они передают. Вот вы, например, стоите в Анголе, а идет другой пароход, который будет сменить вас, и они встречаются — эти пароходы — и друг другу передают посылки.

Один раз было обледенение парохода. Когда это происходит, он уже не идет, а тонет, потому что не может держаться и двигаться не может. Сначала начинается качка, а потом пароход перепорачивается и идет ко дну. Это у Вали надо спросить, я не могу правильно объяснить. Что-то случилось в машинном отделении. Все уже приготовились, пристегнулись, одели пояса. «Я, — говорит, — уже пояс не одевало: для чего одевать его — все равно же тонем? Я помолилась, легла, — уже

приготовилась к смерти. Такое наступило!.. Как говорят «кто на море не бывал, тот и горя не видел». Потом вдруг мотор как-то заработал, и пароход начал выравниваться, выравниваться, астал и пошел. А то уже его было закренило.

Когда она приехала, рассказала, Батюшка и говорит: «Валя, ну как же ты? Свеча каждый день же горит за тебя. Каждый Божий день ставлю за вас свечку». Вот такая

Буданские пруды

большая свеча горела — ее, специально за нее.

Мать Мария потом рассказывала — отец Виталий говорит: «Сестры молитесь, Валька в опасности!» — и они все там молились. Батюшка сказал: «Святитель Николай на корме стоит, отец Андроник там...» — ну, не говорит, что «и я». Поэтому и пароход пошел.

Приехала Валя, а пароход ее стал в Калининграде. Отход должен быть, ну, например, первого — и се капитан отпустил. И приехал отец Владей. Заходит — и вдруг телеграмма: «Сегодня отход» — изменили, а Валя еще тут. Она говорит: «Батюшка, я погибла: теперь меня судить будут — я на корабль не успела, на пароход». А отец Макарий и говорит: «Батюшка, да успокой ты ее: там что-то поломается на пароходе, обломается да и задержится суток на двое. Давай благословлять матушку». Она говорит: «Да иродствует — никогда я не буду монахиней». И она улетает.

Приезжает в порт — парохода нет, он уже на рейде стоит. А навстречу замполит (а тогда ж, знаете, как гоняли): «Где Вы есть? Вас

под суд надо отдавать, что пароход без врача уходит!» Она ему говорит: «Не Вы будете меня наказывать. У меня есть капитан, которому я подчинюсь, но не Вам». Она тоже резко так ему ответила. Взяла катер, поднимается на пароход — идет капитан. «Анатолий Семенович, простите меня, что так получилось!» А он говорит: «Не переживай, мы еще неделю будем стоять». Вот как вымолили.

А когда она уезжала в Калининград, завели нас в другую комнату: отец Виталий, я и она. Батюшка и говорит:

— Что мы матушке далим?

— Какая я там матушка буду?! — такая стрижка и все прочее.

И вот он дает нам по чашке конфет и какой-то, ну, как кулончик большой. Мы выскочили, пересчитали — у Вальки на одну конфету больше!

Или, например, четки ей даст голубые, а мне шерстяные. Я:

— А! Вы всегда ей лучше даєте!

А он меня за руку подводит к иконе:

— Кто это?

Я говорю:

— Спаситель.

— Кого держит на плечках?

— Овцу.

— Из чего четки сделаны?

— С овшы.

— Так кого Господь любит?

Я говорю:

— Батюшка, Вы ей все равно больше даєте конфет или еще чего-нибудь.

Перед тем как должны были поменять деньги, сидим мы у Батюшки. Сидят матушки все и мы с Вальей. И он говорит: «Всем матушкам, у кого деньги на книжке, — снять», — а смотрит на Валью. У меня тогда денег не было на книжке, а у нее большие деньги были по тем временам. «Оставить только триста рублей!». Отыл повторить. Матушки нише — откуда у них могли быть деньги? Опять это повторил — так раза три сказал. Мы

пришли в келью, уже спать ложиться – я ей говорю:

– Ты обратила внимание, как он говорил про деньги и на тебя смотрел?

– Это нас не касается. Это касается матушек.

– Да откуда у матушек могут быть деньги?

Так и получилось: все ее деньги на книжке пропали, сколько там было. Была большая сумма денег – все пропало.

Один раз сидит отец Виталий и говорит:

– Валя, подари мне колечко, что у тебя на руке.

– Да на что оно Вам, Батюшка?

– Да на метру отдам или еще куда-нибудь.

– Нет. Нате Вам лучше еще пятьсот рублей, только колечко я не отдам.

И так то колечко и носила. Отдает ему деньги, а потом приходит утром и говорит:

– Батюшка, ведь я не даю вот этим, которые у метро просят деньги.

А он говорит:

– Нет, ты вчера дала разбойнику, хулигану. Ты дала.

Валя:

– Не давала.

– Нет, ты вчера дала большую сумму денег: пянище, разбойнику... – перечисляет все.

Она:

– Нет, Батюшка, я не давала.

– Да дала же ты, Валя – Венедикту или Виталию.

Она:

– Об, Батюшка, простите!

– Но они, Валя, вернутся вам. Они потом вам вернутся.

Положили Валю на операцию: у нее совершенно почка «отлепалась». Одной уже нет, а другая подшита. И что-то там врачи перерезали, повредили какой-то сосуд, неправильно что-то зашили, и у нее открылось кровотечение – не могли остановить ничем: и с глаз, и с носа, и с ушей шло! И ничего не помогает, никакие уколы. Сколько доноров подключали – ничего не могут сделать: вольют,

а она вся выливается – кровяные шарикки не склеиваются. Потом нашли кого-то с первой группой и сделали прямое переливание: прямо из его вены берут и ей вливают – вот только тут кровь и остановилась. Она говорит: «Я видела Батюшку отца Виталия. Когда я очнулась, я видела, как он пробежал мимо моего стола».

Конечно, Батюшка вымолил, она бы умерла, потому что, когда

Монахиня Виталия и Антонина (Пискунова) с епископом Задонским Никитом (Васильев) в Задонском Рождество-Богородицком женском монастыре. Рождество Христово, 1998 год.

я спросила врача, он говорит: «В таких случаях в живых никто не остается».

Я приехала – она вся синяя... Ее подвели к окошку, она глянула на меня: «Мотя...» А я говорю: «Ты будешь жить. Ты помнишь: Батюшка сказал – отец Виталий. Ты будешь жить». А потом и попросила врача, мне разрешили за ней ухаживать – я две недели около нее сидела. Ну, конечно, все Батюшка отец Виталий, только он вымолил.

Это же он не только меня с Валей и отца, но всю семью ж тинет. Раз приехали: «Батюшка, роденький, Юру племянника посылают в Афганистан – вымоли!» Вымолил. Посылают в Афганистан, он подходит к самолету, ему надо уже подниматься по трапу – и в это время подлезает генерал и говорит: «Зимовец [это Юрина фамилия], я занимаю это место – оно мне нужно, а ты оставайся здесь». И он остается. Это чудо, конечно, только чудо! Это даже не объяснить и не передать. Ну, такие чудеса через Батюшку.

Наша двоюродная сестра Валентина живет в Курской области – а Батюшка там был, когда страсти стовал, – в их церкви был. И детства, с семи лет ходит в храм всю жизнь и по сегодняшний день. И хотела быть монашкой. А когда взрослая стала, и Батюшка приехал к нам, мы ее позвали, в Москву съездили, и тут она увидела отца Виталия. Он ее благословил и стал писать ей письма. Это же надо – в

Курскую область! Куда он, кому только не писал – ну, во все концы, всем! Она переписывалась с ним. Отец Виталий велел ей досмотреть маму: у нее брат большой и мать ослепла. И она просилась после смерти матери и брата в монастырь. А Батюшка и говорит: «Выйди замуж». И она выходит по его благословению замуж за парня, который на 10 лет старше ее. Ей было уже 30, а ему – 40, когда они венчались с нас. И вот она с ним жила.

У ее мужа была мама, умерла она в 105 лет – Валя ухаживала за ней.

Наша сестра была председателем сельского совета, но ходила в храм, помогала организовать восстановительные работы – у них церковь в 60-х годах разрушили. Построили храм – она там и псаломщица, и хором управляет – у них в церкви три бабки поют.

И вот она сейчас, когда узнала, что мы стали монахинями, пишет мне письмо: «Без Батюшки Виталия мне стало сложно жить. Я была и другая была, чем сейчас, и всю жизнь мечтала быть монахиней – Господь не допустил, а завидую вам, что вы приняли этот постриг».

Но что мы узнаем сейчас? Приезжает ее сестра: оказывается, Валя с мужем живут, как брат и сестра, хоть они и повенчаны. Оказывается, муж болезет. Валя похорошила брата, маму, теперь уже надо его досмотреть. И муж ей как-то сказал: «Вот ты выйдешь замуж...» Она говорит: «Нет, я похорошо тебя и уйду в монастырь». Вот так Валентина!

Беседа о молитве

(часть 2)

Когда мы начинаем молиться от сердца, т.е. искренне и внимательно? Тогда, когда находимся в тесных обстоятельствах, и наших естественных сил не хватает, чтобы выйти из них. Вот тогда-то мы «смиримся до земли» и начинаем вопиять к Богу. С этого начинается наша живая молитва. В трудных обстоятельствах мы просим, почти даже требуем: «Господи, помоги! Ты же видишь, в каком я бедственном положении!» И Господь уже как бы вынужден прийти к нам на помощь и вытащить нас из этой ямы – не по нашему достоинству и духовному уровню, но потому, что Он – Человечество.

Образно говоря, когда родители купят ребенку обновку, и он в ней бегает – чистенький, аккуратненький – у него одно самочувствие: «Вот какой же!» А после того, как он вдруг шлепнется в грязь и измарается в ней – здесь самочувствие у него уже совсем другое. Кричит, плачет, бежит к маме... Мать, конечно, наливает его мыль, переодевает и потом только поглядывает по головке.

Вот так получается и у нас: пока мы не осознаем своего смирада, своего непотребства пред Богом, до тех пор не можем очиститься от самодовольства и превозношения. А когда осознаем, тогда начинаем плакать и смиряться. И Господь подает нам Свою милость – слезный покаянный плач, очищение, исправление. Таким образом, мы уже сподобимся (если будем благоразумно действовать) какого-то утешения. Не за то, что мы слезали что-то достойное утешения,

а за то, что мы, попав в беду, скорбим о нашем бедственном состоянии, скорбим о том, что мы такие нехорошие. И это действительно так. Как сказал священомученик Петр Дамаскин: «Что такое человек? Человек – это есть не что иное, как малое скоронечезающее зловоние».

А другой говорит: «Человек – это звучит гордо».¹ Вот такое разное бывает у людей «само-чувствие».

Или как сказал преподобный Пимен Великий: «Я подобен человеку, который находится в болоте с камнем на шее, и вопиет: «Помилуй мя!»» Вот из этого состояния мы должны молиться. Мы не видим своих грехов, не чувствуем их тяжести только лишь потому, что мы безум-

ственны. Как человек, находящийся без сознания, не чувствует, в каком положении он находится, так и мы, находясь в ослепленном сердечном нечувствии, не видим и не ощущаем своего бедственного душевного состояния. А когда увидим, тогда начинаем молиться, плакать и смиряться по-настоящему. Потому что только ослепление держит нас в таком состоянии. А чтобы отверзлись наши очи сердечные, Святая Церковь и научает нас молиться словами преподобного Ефрема Сирина: «Даждь ми зрети мои прегрешения и не осуждай брата моего».

Вопрос: Вы как-то говорили про разные индивидуальные состояния человека на молитве. Кто-то испытывает радость, кто-то горе, скорбь. А может ли человек испытывать страх перед величием Божиим?

Ответ: Если кто имеет страх перед величием Божиим, так это самое нужное для человека. Как мы говорили раньше – если кто хочет в краткое время приобрести настоящее живую молитву, тот должен молиться именно с таким страхом, чтобы «по спине мороз ходить», т.е. чтобы стоять пред Богом, как пред Судиею, приговором Которого мы вот-вот услышим. (Но иногда бывает чувство благоговейного страха – от осознания величия Божия и своего ничтожества.)

Если так будем действовать – мы быстро научимся молиться. А если мы стоим, лишь бы вычитать количество, или кто побыстрее кифизму прочитает, тот и лучший чтец – это (увы! увы!) плача достойная молит-

¹ Эта фраза опустившегося босака из пьесы А. М. Горького «На дне» стала боевым кличем и символом советской эпохи, открытой Бога и взамен утвердившей человекобозие. Отсюда – и всемирное гонение на Православие, и сотни мучеников и исповедников Российских, не покидавших принять «новую религиозную» князя мира сего, воплощаемую в его идею построения «земного о раю» (прим. ред.).

ва. Ибо по слову преподобного Симеона Нового Богослова «нет больше греха, как молиться без страха Божия, без внимания и благоговения» (Слово 9).

Вопрос: Когда душа приобщается к малым крупицам живого молитвенного опыта, а потом (в оставшее время) разрушается цепь общения с Богом, то душа выдает в расклеванное состояние: «А! Если нет, то и вообще ничего не надо!» — нападает апатия, ушавшие и происходит разрушение всякой попытки молитвы, «тихий бунт»: «Или так, или — никак! А мертвой молитвой молиться не буду!» Это, наверняка, искушение?

Ответ: Да, это искушение. Оставление молитвы навлекает диавол. Когда мы выражаем из его сетей, он всеми способами ухищряется снова уловить и удержать нас в них, чтобы душа не воспарила к Богу. Потому-то он и делает такие внушения. Как рассказывал один батюшка: «Я опущал, — говорит, — что какое-то леденящее чувство наполняет меня, будто кто-то шприцом вливает мне в душу что-то холодное, мерзкое и страшное — как бы некий бунт против Бога. Я осознавал, что это не мое, но не мог этому сопротивляться. А потом все-таки начал бороться». Подобные искушения постигают каждого человека в жизни: кого-то в большей, кого-то в меньшей мере. И с ними мы должны бороться, потому что в этом борении проверяется наша верность и преданность Богу.

Вот мы читаем евангельское повествование: слепец сидел около пути, а Христос шел мимо. Слепец закричал: «Сыне Давидов, помилуй мя!» (Мк. 10, 46-52). Сказано: «Предходившие запрещали ему» — дескать, «молчи, не кричи!» А он еще более начал кричать. Это образ того, что когда душа начинает кричать к Богу, «предходившие» — наши страсти, наши грехи, они поучают, советуют и даже закрывают нам уста: «Да не надо, перестань!» И эти лукавые советники предлагают прервать молитву под самыми разнообразными предлогами: «да ты все равно не умеешь молиться, брось!», «да тебя Бог не услышит!..», «да это у тебя пустая трата времени!», «да это бесполезное дело... оставь!», «да все равно ты не получишь настоящей молитвы...».

«да сегодня нет наставников в делах молитвы — оставь его заниматься, а то в прелесть впадешь», «встань, а то еще возгордишься...» и прочие самые разнообразные благовидные предлоги и внушения нам бесами, недопускающими нас призывать Целителя и Спасителя. И если мы перестаем, то делаем большую ошибку.

А евангельской слепец еще больше кричал. И когда Христос его по-

Перехрещивая через голую реку

звал, то он «отверг», сказано, «присягнул и прииде ко Иисусови». Заметьте: когда он отверг все вещественное и плотское, тогда приблизился к Спасителю. Так и нам должно отвергнуть всего плотского, ветхого человека, и тогда мы придем ко Христу, и Господь отвернет нам очи. Вот образ нашей молитвы.

В Священном Писании сказано: «В скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны» (Рим. 12, 12). Мы должны, несмотря ни на что, быть постоянными в молитве и терпеть вот эту брань, вот эту тяготу от плоти и диавола. Потому что ей (молитве) сопротивляется вся демонская сила, сопротивляется наш ветхий человек, сопротивляется само тело, потому что оно бранные. Но, тем не менее, мы должны отвергать все, что стоит на нашем пути к Богу и кричать как тот слепец: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!»

Здесь еще немаловажно молиться благодарение за саму тяготу. «! ослоди, благодарю Тебя за то, что Ты даешь мне увидеть, каков я сам на самом деле пред Тобой». И в противном случае проверяется наша любовь и стремление к Богу, как мы знаем некто: «Вера — это есть порок через прелесть». На молитву наша вера свидетельствуется тем, что мы прорываемся через помыслы, желания, мечтания, нехотения, тяготу и даже самую телесную утомленность, ледяность, заботы, обремененность и т.д. Мы свидетельствуем, что, будучи облечены плотью, желаем жить не по скотским инстинктам, а по уму, т.е. быть духовными личностями и служить Богу подобно Ангелам, таинственно уподобившись им в предстании пред Творцом. Так что здесь — очень существенный духовный момент.

Вопрос: Практика это подтверждает?

Ответ: Конечно. Вот житие преподобного Григория Синаита — перед смертью он трие суток предстал на молитве в сильнейшей борении против диавола. И оно, в конце концов, умирало изобильным изливанием на него благодати Святого Духа. Почитайтесь об этом в житии преподобного.

...Вспоминается рассказ одного живого архимандрита, который присутствовал при кончине некоего старца. История этого старца была такова: он пришел в монастырь и начал усердно заниматься Иисусовой молитвой. Через некоторое время он действительно преуспел в молитве — она вошла у него уже самодвижная. И вот однажды старец увидел во сне прекрасную девицу, которая, подойдя к нему, сказала: «Ну, вот, ты видел меня. А теперь я уложу, и ты меня помнишь». Проснувшись, старец опущал, что самодвижная молитва покинула его... И он понял, что девица, виденная им во сне, была образом молитвы, которая от него ушла, и что теперь ему снова нужно заниматься трудовой молитвой. Он усиленно это применял и в таком труде прожил около 50-ти лет.

Незадолго до смерти его посетил старый друг-сподвижник, который потом и рассказал: когда он находился возле старца, вдруг увидел, что старец сцепился необыкновенно

но радостным и в духовном восторге воскликнул:

— Пришла!.. Пришла!.. Наконец-то она пришла!..

— Отец, кто пришел? — никого ведь не было.

— Молитва пришла!.. И так пришла, что наполнила меня всего! Я не могу тебе передать, какое я имею чувство!

При этом старец рассказал другу свою историю: как молитва в начале пришла, потом покинула его, и сколько лет он ее искал.

Так что, действительно, если мы что-то делаем ради Бога, Господь нас не оставит Своєю милостью, лишь бы мы не оставляли Его и делали то, что зависит от нас. А все благое завершит Господь в свое время Своєю благодатью.

Нужно нудить себя на добродетель, а не так, что сегодня начали делать, и завтра уже ничем плодов. Говорим: «Я столько-то времени делаю то, другое, третье, а никакого плода нет». Старец, как видим, 50 лет нудил себя на делательную Иисусову молитву — и только перед смертью она посетила его и дала покой, радость и благодатное утешение в такой степени, что оно не вмещалось в его душе. И старец в радости и благодарении Богу преставился, явив нам пример труда и терпения.

А современные делатели зачастую не имеют ни терпения, ни постоянства и потому остаются без плодов. Только взялся за дело и вскоре он уже изнемогает, уже не может понудить себя. Вернее не «не может», а не хочет. Он хочет, чтобы сразу посыпались плоды. Потому многие сегодня и превращаются всевозможными «духовными» системами, где обещают «как приобрести благодать в течение одной недели». Или пытаются смешать Православие с йогой и оккультизмом, чтобы поскорее «продвинуться» в духовный мир и избавиться от того-то... (например, пьянства) и приобрести то-то... (например, «безстрастие» или «исповедение»).²

² Более подробно об этом вы можете прочитать в книге о. Серафима (Роуза) «Православие и реалии будущего» (прим. автора).

...Вспоминается такой случай. Пришлось как-то беседовать с одним молодым человеком — студентом. Он верующий. Но когда у нас зашла речь о молитве, он сказал:

— Я молюсь совсем мало. Да и нужды особой нет: зачем молиться, если все понимаешь, все знаешь? И никаких особых обстоятельств нет, которые побуждали бы на молитву. Если будет уже какая-то особая экстремальная ситуация,

тогда буду молиться, а так — зачем? Как-то нет охоты.

— Так что, — говорю, — ты хочешь молиться по-мужички: «пока гром не грянет, мужик не перекрестится»?

— Да нет, я, в общем-то, не хочу, чтобы меня постигали какие-то бедствия и скорби. Ну, просто как-то не хочется молиться, да и все.

Что на это сказать? Допустим, родители имеют ребенка. И вот этот ребенок скажет: «А что мне с папой говорить? Что мне с мамой говорить? Когда у меня будет какая-то нужда, тогда буду с ними разговаривать, а так зачем они мне? Я не хочу с ними говорить — неинтересно. Разве не оскорбит он таким недобрым отношением своих родителей? Оскорбит — и сильно».

Вы никогда не замечали, что когда мы постоянно на молитве с холодным чувством к Богу, то и люди проявляют холодность к нам? А

после усердной, теплой молитвы к Богу и отношения людей к нам становятся более теплыми. Сплошь и рядом встречается, что если родители становятся холодными к Богу, то и дети остаются в своей естественной любви к родителям. Но это почему-то не берется во внимание. А Господь сказал: «Какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Мф. 7, 2).

Так что это серьезно. Кого мы любим, с тем и беседуем, с тем и общаемся. Или даже если сидим молча, все равно радуемся, чувствуем присутствие любимого. Так же и пред Богом: если нам «скучно» с Ним на молитве, следовательно, мы потеряли к Нему любовь. Мы оскорбляем нашего Небесного Отца и, фактически, терем тот контакт, который нам необходим для обеспечения нашей вечной радости и блаженства. Не Богу нужен этот контакт с нами, а нам нужен для нашей вечной жизни. И если мы не установим его подобно электрической лампочке с электросетью, то... что с нами будет? Если лампочка не включается в электросеть — она становится ненужной, и ее выбрасывают на мусорник. Так и мы, если не соединимся с Богом — в первую очередь посредством молитвы (и далее через таинства покаяния, причащения и т.д.), то, как негодная лампочка, будем выброшены на мусорник духовный, который называется ад и вечная мука.

Вопрос: Существует довольно распространенное мнение, что молитва — это одно, а жизнь — совсем другое. К молитве относятся церковные службы, келейное правило и т.д. Все же остальное время занимает «просто жизнь» — работа, отдых, домашние заботы, «вечные интересы» и т.д. Таким образом, наше бытие составляется из чередования молитвы и «обычной человеческой жизни»...

Ответ: Молитва — это беседа души с Богом, и она должна быть растворена во всей нашей жизни. Во всех скорбях и радостях, во всех печалях и недоумениях, во всех смущениях и падениях — везде проникает молитва, т.е. обращенность души к Богу.

Вопрос: А разве не существует молитвы «в чистом виде»?

Отвеч: Вспомнилось два образа. Вот птичка. Если понаблюдать за ней, то можно заметить, как она порхает и что делает. Она поет. Некоторое время поела, потом клюет, что она нашла съедобного на земле. Поклевала – смотрит на небо: нет ли там коршуна, или какого хищника? Потом снова поела, снова поклевала и снова поет. Вот это – образ начальной молитвы, обозначающий то, что она – молитва – должна перелетаться со всей нашей жизнедеятельностью. А второй образ – это образ соловья. Когда стемнело, соловей садится на ветку и поет. Он уже никого не видит, ничего не слышит...

Что-то подобное происходит и в нашей жизни. Этот вопрос, конечно, сложный, многогранный, говорить нужно много. Если же попытаться короткими словами выскзать главную мысль, то молитва просто неотделима от жизни, потому что мы живем **пред Богом и приобретаем свойства Христовы**. И это – очень важный вывод.

Недавно мне пришлось беседовать с одним священником, который побывал на Старом Афоне. Разговор у нас зашел о том, почему сегодняшние монахи – ну, в частности, мы – занимаемся Иисусовой молитвой на протяжении многих лет, не сподобляясь умносердечной самодвижной молитвы. Мой собеседник, будучи на Афоне, говорил на эту же тему с афонскими старцами (причем с такими – так Господь ему дал – известными, достигшими высоких степеней духовности).

И вот мы, беседа, сошлись на одном мнении – и там он такой вывод сделал, и здесь мы к тому же пришли: **Иисусова молитва не внедряется в наши сердца**

только потому, что мы не приобретаем свойств Христовых – не преобразуемся в новую тварь. Мы не стараемся быть милостивыми, любвеобильными, кроткими, смиренными, тихими, не стараемся каяться во всех грехах и все это сопровождать исполнением заповедей. А первая заповедь: «Покайтесь и веруйте во Евангелие» (Мк. 1, 15), с нее нуж-

К примеру, сказано: «Повинуясь друг другу в страхе Божиим. Это значит, что мы должны с радостью повиноваться, отсекая свою волю. Не с тем, чтобы угодить человеку: «Ну дадно, раз уж ты сказал – сделаю, чтобы потом не было последствий...» – нет. Мы должны стараться навикнуть отечески своей воли пред ближним, чтобы **приобрести свойство Христова**,

Который был послушен Богу Отцу даже до смерти, и этим самым избавился от свойства ветхого человека, восприятию нами от праотца Адама, который не послушался Бога, а послушался сатаны и взял плод с запрещенного древа.

Также, когда нас оскорбляют, делают нам какую-то неприятность, мы должны с радостью прощать обидчику, чтобы усвоить себе дух всепрощения. Если мы видим кого-то в беде, мы должны сострадать ему: «Он такой же, как

Старец Силуан о молитве

Есть люди, которые желают своим врагам или врагам Церкви погнани и мук в адском огне. Так мыслят они потому, что не научились любви Божией от Духа Святого, ибо тот, кто научился, будет проливать слезы за весь мир.

Ты говоришь, что он злодей, и пусть горит в адском огне.

Но спроси тебя: если Бог даст тебе хорошее место в раю, но ты будешь видеть в огне того, кому ты желал огня мучений, неужели и тогда тебе не будет жалко его, кто бы он ни был, хотя бы враг Церкви?

Или у тебя сердце железное? Но в раю железо не нужно. Там нужны смирение и любовь Христова, которой всех жалко.

Кто не любит врагов, в том нет благодати Божией. Милостивый Господи, Духом Твоим Святым научи нас любить врагов и слезно молиться за них.

но начинать. Затем заповеди: «Блаженны плачущие», «Блаженны кроткие», «Блаженны егда носят вас...» (Мф. 5, 3-12) и др.

Если мы поймем, что мы должны делать, и начнем делать, тогда уже будет успех и в молитве. А поскольку мы этого не исполняем, то и молитва нас временами посещает, дает покаяние, плач, умиление, утешение – и снова уходит. И мы скорбим, унываем, изнемогаем, погружаемся во мрак.

Но еще важно отметить, что когда кто-то старается исполнять заповеди, то при этом **необходимо осознавать**, что эти заповеди нужны нам **не ради самих заповедей**, т.е. мавниального, холодного их исполнения. Они нужны нам для того, чтобы мы с их помощью **приобретали в чувстве сердца** свойства, угодные Богу и спасительные для нас.

и я; помоги ему, Господи, вразуми, просвети, помоги ему и телесно, и душевно, чтобы он избавился от сетей вражних!»

Поступая так в каждом случае, мы будем постепенно совлекаться ветхого человека и облекаться в нового, творя всякое доброе дело пред Богом.

Нам нужно понять, что именно эти **свойства** нам нужны. Когда мы их будем иметь, тогда всякая чуждая боль станет нашей, и мы сможем и внимательно молиться, и плакать, и смиряться, и любить – молитва сама будет литься из сердца.

И только после этого человек уже сможет взойти к «соловиной» молитве. Но и тогда он не отрывается от жизни, потому что, вступая в общение с Богом, он опять возвращается к миру, восприимая его жизни уже в ином плане – с другого, высшего уровня.

С В Я Т Ы Е З Е М Л Я Н И П Е Ц К О Й

Святитель Иннокентий Херсонский

вятитель Иннокентий родился 15 декабря 1800 года в городе Ельце Орловской губернии, в благочестивой семье священника Алексия и Акилины Борисовых, и в крещении был наречен Иоанном.

Родители будущего святителя были «благочестивым корнем», от которого произрос будущий святитель Церкви Христовой.

С первых дней жизни младенец был слаб здоровьем, но Господь щедро духовно одарил Своего избранника.

Своим духовным становлением Иоанн обязан прежде всего своим родителям. Дом, где он жил, был для него домашней церковью, его первым духовным вертоградом. Промысл Божией о нем сказались еще в детстве. Отрок выделялся такими качествами, как любовь к чтению и слышанию Слова Божия, к проповеди, звучащей с амвона Свято-Успенской церкви, в которой служил его отец, что вызывало в душе Иоанна ответные чувства, стремление к служению Богу.

Домашнее воспитание и образование явились для Иоанна тем благим посевом, который, орошенный впоследствии духовным просвещением и иноческим подвигом, принес воистину сторичный плод.

В 1810 году Иоанн Борисов поступил в Воронежское епархиальное училище, но по причине постигшей его болезни вынужден был оставить учебу.

16 октября 1811 года мальчик осиротел – скончался горячо любивый им отец.

Еще остался в памяти Иоанна как город его трудного детства. Оно прошло не в забавах и изнеженности.

Окончив Воронежское епархиальное училище экстерном, Иоанн поступил в Орловскую духовную семинарию, которую блестяще закон-

Оборе святых русских, поаче Божественный, молитесь ко Господу, о земном отечестве нашем и о почитающих вас любовию.

(Отрывок из послания Святых, к земле Русской православной)

чил в 1819 году. Об уровне познания нового воспитанника говорила запись в семинарском аттестате – «исправлял должность лектора греческого языка *(очень хорошо)*».

К этому времени была преобразована Киевская духовная академия, и новый состав ее воспитанников набирался из лучших студентов семинарий. В числе таковых от Орловской губернии оказался Иоанн Борисов.

В академии Иоанн много читал. В особенности любил заниматься составлением проповедей, которые по своим высоким качествам тогда уже предвещали в нем будущего «Русского Златоуста».

На выпускном академическом акте он прочел часть своего студенческого труда «О нравственном характере Господа нашего Иисуса Христа». Читание столь зрелого в бо-

гословском отношении труда было признательно и сердечно воспринято митрополитом Киевским Евгением (Болховитиновым), который приветствовал юношу как «восходящее светило русской богословской науки»,

чему суждено было сбыться в полной мере.

В августе 1823 года Иоанн Борисов закончил академический курс со степенью магистра богословия. Как «добрый и верный раб» (Мф. 25, 21), он многократно умножал своими трудами дивный ему от Бога талант. Служителю Бога надлежит хорошо знать слово Божие. Юноша Иоанн знал его и владел им.

После окончания академии Иоанн Борисов отправляется в Санкт-Петербург, где вступает в должность профессора церковной истории и греческого языка Александровского духовного училища. 10 октября 1823 года он был пострижен в монашество с именем Иннокентий, после чего рукоположен в сан иеродиакона, а 29 декабря – в иеромонаха с назначением на должность ректора того же училища.

Современники называли его истинным монахом, строгим подвижником, говоря, что «англическое звание Иннокентий любил».

Через некоторое время молодой преподаватель был переведен в Санкт-Петербургскую духовную академию, а уже через четыре месяца назначен инспектором академии и через шесть месяцев возведен в сан архимандрита.

В 1828 году за свои сочинения «Жизнь святого апостола Павла», «Жизнь святого священномученика Киприана Карфагенского», «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа» он был удостоен степени доктора богословия. 3 сентября 1829 года архимандрит Иннокентий получил докторский наперстяк крест, а 12 сентября того же года награжден орденом святой

Анны II степени, украшенным императорской короной.

В 1830 году архимандрит Иннокентий был назначен настоятелем Киево-Братского монастыря и ректором Киевской духовной академии. В течение десяти лет архимандрит (а затем епископ) Иннокентий возглавлял Киевскую духовную академию.

21 декабря 1836 года архимандрит Иннокентий был рукоположен в епископа Чигиринского, викария Киевской митрополии с оставлением в должности ректора академии.

В 1840 году владыка Иннокентий назначается на самостоятельную Вологодскую кафедру, где за год пребывания становится известным исследователем древних вологодских рукописей.

1 марта 1841 года епископ Иннокентий был назначен в Харьковскую кафедру. Управляя епархией, Пресвященный особенно заботился о благолепии церковном, всюду требуя совершения уставного богослужения.

В харьковский период его жизни были изданы «Беседы на святой Чепаредеевницу», «Падение Адамова», «Беседы на Великий пост», «Три слова о зиме» и «Слова и речи к пастве Харьковской». Им солаготены акафист Божественным Страстям Христовым, служба и акафист святому Архистратигу Михаилу.

15 апреля 1845 года владыка Иннокентий был возведен в сан архиепископа. Его трудами были восстановлены Святогорский, Успенский и Ахтырский Свято-Троицкий монастыри.

1 апреля 1847 года он назначается членом Святейшего Синода.

24 февраля 1848 года архиепископ Иннокентий был назначен на Херсонскую и Таурическую кафедру.

Об особенном действии благодати Святого Духа в проповеднической деятельности,

да и во всей жизни святителя свидетельствует современник Иннокентия, строгий подвижник и аскет, Пресвященный Иеремия, епископ Нижегородский: «На день Святого Духа у Иннокентия были всегда проповеди, некою особенностью отличающиеся. На день Святого Духа

для первой степени, а 25 октября 1854 года он был награжден алмазным крестом на клобуке.

Святитель всегда самозабвенно отдавал себя на служение Богу и ближнему. Свеча земного бытия его догорала... Здоровье ухудшилось и он чувствовал приближение смерти.

В мае 1857 года святитель Иннокентий отправил Святейшему Правительствующему Синоду рапорт, который пришел в Петербург уже после его кончины: «По случаю постигшей меня от простуды тяжелой болезни я не могу заниматься делами в епархиальной консистории».

Скончался святитель 26 мая 1857 года и был погребен у входа в правый придел Одесского кафедрального Спасо-Преображенского собора.

В 30-е годы XX столетия останки святителя Иннокентия были перенесены на Слободское кладбище близ Одессы, а в 1987 году – на братское кладбище Одесского Свято-Успенского мужского монастыря.

Святитель Иннокентий прославлен в лике местночтимых святых Одесской епархии и мощи его почитают в Спасо-Преображенском кафедральном соборе города Одессы.

Ярко горел сей святильник на свещнице церковной. Он был для людей, как говорили о нем, «светлом, светящим и согревающим».

И ныне предстает угодник Божий Иннокентий в лике святительском в незаходимой славе небесной, ходатайствуя за оставшихся и в земном странствии сущих пред лицом на святых Своих Господом Богом, Которому подобает всякая слава всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Палитра святителя Иннокентия совершается 8 июня.

Рубрику ведет:
МОНАХ НЕКТАРИЙ
(БЛИНОВ)

Рака с мощами святителя Иннокентия в Преображенском кафедральном соборе г. Одессы

он начал священнослужение свое в Одесском соборе. В день Святого Духа он скончался. Духу Святому он молился молитвою святого Симеона Нового Богослова».

В 1848 году святитель Иннокентий был награжден орденом святого Владимира II степени, в 1851 году от греческого короля последовало награждение его орденом Спасите-

Тропарь, гл. 4:

От юных лет прилежа учению благочестия и страху Божию, во благодати Христовой преусневая, стяжал еси словесная дарования и являлся еси неутомимый проповедниче спасения, души верных озаряя спасительными смыслами и приводя всех ко исправлению. Святителю отче Иннокентие, моли Христа Бога дати нам оставление грехов и велию милость.

Кондак, гл. 3:

Юга земли нашей цветет, Церкве Российской украшение, Православия наставник преславный, защитник и молитвенник Отечества усердный, новый русский Златоусте, в погумудре святителю Иннокентие, моли Христа Бога спастися душами нашими.

1) Авва Иоанн из Келлий говорил, должно прежде всего стяжать смиренномудрие, ибо это есть первая заповедь Спасителя. *Блаженни нищии духом, — гласит Он, — яко тех есть Царствие Небесное.*

Авва Ор говорил: венец христианина есть смиренномудрие. Авва Исидор Пелусиот говорил: велика высота смиренномудрия и глубоко падение высокоумия.

Авва Антоний говорил: видел я однажды все седи врага, распростертого по земле, и со вздохом сказал: кто же избегнет их? но услышал глас, говоривший мне: смиренномудрие.

Однажды демон напал на Авву Маврария с небольшим мечем и хотел отсечь ему ногу. Но по причине смирения Авва не мог сделать сего и сказал ему: все, что имеете вы, имеем и мы, одним только смиренномудрием отличаетесь от нас и побеждаете.

Брат спросил Авву Сисоя Петрейского о наставлении, которое дал ему Авва Сисой Фийейский. Старец отвечал ему: грешником я засыпаю, грешником и пробуждаюсь.

Авва Митой говорил: чем ближе человек к Богу, тем более сознает себя грешником. Пророк Исаия, увидев Бога, назвал себя оканьяным и нечестным (Ис. 6, 5).

Он же говорил: когда я был юн, думал сам с собою: может быть я делю что-нибудь доброе; а теперь, когда состарился, вижу, что я не имею в себе ни одного доброго дела.

Однажды демоны приступили к Авве Арсению в кельеи смущали его. Прислужники его пришли к нему, и став вне кельи, слышали, как он звал к Богу и говорил: Боже! Не оставь меня; я не сделал пред Тобою ничего доброго, но даруй мне по милости Твоей положить начало.

Рассказывали об Авве Памвю: приближаясь к смерти, в самый час кончины своей говорил он стоявшим около него своим мужам: с того времени, как, пришедши в эту пустыню, я построил себе келью и поселился в ней, не помню, чтобы когда-либо ел я иной хлеб кроме приобретенного моими руками и никогда не расширялся в словах, которые говорил я когда-либо даже до его часа. А теперь отхожу к Богу так, как бы еще не начинала служить Ему.

НИГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

ЗАПОВЕДИ БЛАЖЕНСТВА

в изреченных и делах святых отцев живших в IV и V веках

"Блаженни нищии духом: яко тех есть Царствие Небесное" (Мф. 5, 3)

Стяжи смиренномудрие, самоунижение, страх Божий, и молитвенное настроение духа.

1) Не думай о себе, что ты имеешь что-либо доброе в себе или что делаешь что-либо доброе от себя; но сознавай и чувствуй, как и есть на деле, что у тебя нет ничего своего кроме греха, и потому:

- 2) обвиняй себя во всем;
- 3) почитай себя хуже всех;

4) не хвались успехом в добрых делах и не думай о своем каком-либо достоинстве.

Рассказывали об Авве Сисое: пред смертью его, когда сидели около него отцы, лицо его просияло как солнце. И он говорит отцам: вот пришел Авва Антоний. Немного после опять говорит: вот пришеллик Пророков. И лицо его заблестало еще светлее. Потом он сказал: вот пришел лик Апостолов. Свет лица его удвоился, и он с кем-то разговаривал. Тогда старцы стали спрашивать его: с кем ты, отец, беседуешь? Он отвечал: вот пришли Ангелы взять меня, а я прошу, чтобы на несколько времени оставили меня для покаяния. Старцы сказали ему: ты, отец, не имеешь нужды в покаянии. Он отвечал им: нет, я уверен, что еще не начал покаяния. А все видишь, что он совершил. Вдруг лицо его опять заблестало подобно солнцу. Все пришли в ужас, он говорит им: смотрите, вот Господь... Он говорит: несите ко мне избранный сосуд пустыни, — и тотчас предил дух и был светел как молния. Все храмы исполнились благоухания.

2) Авва Иоанн говорил: оставив легкое бремя, т.е. чтобы осуждать самих себя, мы понесли тяжкое, т.е. стали оправдывать самих себя.

Авва Пимен говорил со вздохом: все добродетели вошли в сей дом кроме одной, без которой едва ли устоит человек. Какая же это добродетель? — спросили его. Самоосуждение, — отвечал старец.

Блаженный Архиепископ Феодил посетил некогда гору Нитрийскую. К нему пришел Авва горы той. Архиепископ спросил его: что нашел ты, отец, лучшего на пути сем? Старец отвечал ему: постоянное обвинение и осуждение самого себя. А Авва Феодил говорит ему: нет другого пути кроме сего.

Авва Пимен говорил: мы подвергаемся столь многим искушениям, потому что не сохраняем своих имен и своего чина, как свидетельствует и Писание. Невидим ли, что жена Хананейская приняла данное ей имя, и Спаситель утешил ее (Мф. 15, 27)? Также Ангелы сказали Давиду: во мне нетрида моя (1 Цар. 25, 24), и Давид, возлюбив слова, возлюбил ее. Ангел представляет душу, Давид — Бога: если душа обвинит себя пред Богом, Господь возлюбит ее.

Он же повторил следующее: истребление блаженного Аввы Арсения: велико могущество человека, если он обвиняет себя во грехах своих пред Господом и ожидает искушения до последнего издыхания.

Еще говорил: если человек во веде устоит, не будет винить самого себя, то не устоит.

Рассказывали об Авве Моисее: когда он был сделан клириком и облекши его в снопярь, Архиепископ сказал ему: вот ты теперь весь стал белым, Авва Моисей! (у древних стихарь обыкновенно употреблялся белого цвета). Он отвечал о, если бы, Владыко, и изнутри так же, как извне! Архиепископ, желая испытать Авву Моисея, сказал клирикам: когда изойдет Авва Моисей в алтарь, изгоните его и идите за ним, чтобы услышать, что станет он говорить. Старец вышел, клирик начал поносить его и вытлалки, говоря: ступай вон, эфнон! Старец, выходя, говорил самому себе: по правде с тобою сделано, чернокозий эфнон: ты не человек, зачем же ходишь с людьми?

Один брат сказал Авва Феодору Фрейемскому: я хочу исполнять заповеди. Старец отвечал ему: и Авва Феона также некогда говорил: хочу

при помощи Божией выполнить намерение мое. Принесли в пекарню муки, он испек из нее хлеба. Когда попросили у него бедные, он отдал им хлеба, когда попросили еще другие, отдал им корзины и оладье, которую носил, и вошел в келью свою опасанный мафорием, а при всем том он осуждал себя за то, что не исполнил заповеди Божией.

3) Авва Нил говорил: блажен из людей тот, который почитает себя хуже всех.

Брат говорил Авве Сисою: я замечу за собою, что памятование о Боге всегда со мною. Старец отвечал ему на это: не важное дело, что ты размышляешь о Боге, но то важно — видеть себя ниже всякой твари, но такое уничижение и труд телесный приводит к смиренномуудию.

Брат спросил Авву Тифоя: какой путь ведет к смиренню? Старец отвечал: путь к смиренню есть воздержание, молитва и признание себя ниже всякой твари.

Авва Пимен сказывал: один брат спросил Авву Арсения: что значит уничижать себя? И старец отвечал: ставить себя ниже бесловесных и знать, что они не подлежат осуждению.

Авва Сисой просил Авву Орта: дай мне наставление. Имеешь ли ко мне доверенность? — спросил его Авва Орта. Имю, — отвечал Авва Сисой. Пойди же, — сказал ему Авва Орта, и делай то же что, как видишь, делаю я. Что же вижу я в тебе отец? — спросил его Авва Сисой. Старец сказал ему: я почитаю себя ниже всех людей.

Авва Орта говорил: неумышляя в сердце своем против брата своего; не говори: я живу воздержаннее и строже его, а покорись благодати Христовой в духе нищеты и нелицемерной любви, дабы не пасть тебе от тщеславия и не погубить трудов своих. Ибо в писании сказано: *мысли ставит, да видится, да не падет* (1 Кор. 10, 12).

Авва Пимен говорил: если человек достигнет того состояния, о котором сказал Апостол: *вся муть мутна* (Тим. 1, 15), то увидит, что сам хуже всякой твари. Брат спрашивал старца: как могу думать о себе, что я хуже убийцы? Старец отвечал: если человек дойдет до состояния, указанного Апостолом и увидит человека, сделавшего убийство, то скажет: он однажды сделал сей грех, а я убиваю каждый день.

Брат спросил о том же предмете Авву Анувия и пересказал ему слова Аввы Пимена. Авва отвечал: если человек дойдет до состояния такой чистоты и увидит грехи брата своего, то праведность его поглотит их. Брат спросил: какая праведность его? Старец отвечал: это — всегданнее обвинение самого себя.

Рассказывали об Авве Пимене, что он никогда не хотел давать наставления своего после другого старца, но обыкновенно всечасно посещал давнего наставление.

4) Авва Петр Плонитский говорил: не должно презнобиться, ежели Господь что-либо сделает чрез нас, но лучше благодарить Его за то,

Он же говорил: если будешь смиренно думать о себе, то найдешь покой веледе, где бы ты ни был.

Рассказывали о матери Сарре: однажды демон блуда сильно восстал против нее, представляя ей суетные предметы мира. Сарра, вооружась страхом Божиим и подвигом, никак не уступала ему; и в один день взошла на верх дома своего молиться. Здесь дух блуда явился ей видимым образом и сказал: победила ты, моя Сарра! Не я победила тебя, сказала она, но Господь мой Христос.

Авва Антоний услышал об одном молодом монахе, что сей сотворил на пути такое чудо: увидел некоторых старцев, которые устонаствовали и от пути утомились, он велел двоим ослим подойти и на себе нести старцев, пока дойдут до Антония. Старцы рассказали об этом Авве Антонию. А он отвечал им: монах, как мне кажется, есть корабль, полный груза; но не знаю, кто идет ли он в пристань. Ступая несколько времени Авва Антоний вдруг начал плакать, рвать на себе волосы и рыдать. Ученики спросили его: о чем плачешь Авва? Старец отвечал им: сейчас пал великий столп церкви! Это он говорил о молодом монахе. Но пойдите сами к нему, — продолжал он, — и посмотрите на случившееся! Ученики идут и находят монаха сидящим на рогаке и оплакивающим смертный грех. Увидев учеников старца, монах говорил им: скажите старцу, чтоб он умилил Бога дать мне десять дней жизни, и я надеюсь очинить грех свой. Но не прошло и пяти дней, как он скончался.

Один брат жил вне села своего и в продолжении многих лет не входил в село. Он говаривал британе: вот уже сколько прошло лет, и я не входил в село, а вы так часто туда ходите. Сказали о нем Авва Пимену. Старец отвечал: я пошел бы ночью и кругом обошел село, чтобы не тщеславиться мысляю, что не хожу в село.

Авва Пимен рассказывал об Авве Исаидоре: помысли говорил ему: ты великий человек! Но Авва Исаидор отвечал: неужели я подобен Авве Антонию? Или я сравнился с другими отцами, благоугодившими Богу? Говоря так, он успокоивался.

Сказано об исчерченных и делах святых отцов собраны из Славянского Патерика

Наставляя протоплы

что мы удостоились призывания Его. Полезно так думать при совершении всякого доброго дела.

Авва Ксанфий сказал: разбойник был на кресте и одним словом оправдался: Иуда был в числе Апостолов и в одну ночь погубил весь труд свой, и с небес сошел в ад. Посему никто не должен хвалиться успехом в добрых делах. Ибо все уповающие на себя пали.

Авва Антоний говорил: я знаю монахов, которые после многих трудов пали и подверглись безумию, потому что понадеялись на свои дела.

Авва Орта говорил: если придет к тебе помысль высокоумия и гордости, то испытать свою совесть: все ли исполнил ты заповеди, любил ли врагов своих, болезнуешь ли о их нечестивых и почитаешь ли себя рыбом неотребным, грешнейшим из всех? Тогда не будешь гордо думать о себе, будто все исполнил. Притом знай, что помысл гордости все разрушает.

Авва Пимен говорил: не думай о своем достоинстве, а прилепись к человеку, который хорошо живет.

Блаженной памяти схархимандрита Виталия посвящается

За вас горит свеча...

1 декабря 1992 года, в 18 часов 45 минут истаяла земная жизнь дивного старца – схархимандрита Виталия. «Но Любовь истинная, Господня, не умирает. Так и батюшка не умер, но его любовь по отшествии его в Горний Иерусалим неотлучно пребывает с нами на земле по слову святого апостола Павла: «Любовь никогда не перестает» (1Кор. 13, 8).

«Отец Виталий очень много пережил за всех нас и потому так рано умер», – с болью сказала однажды одна из духовных дочерей старца. Тот, кто брал на себя телесные и душевные недуги многих людей, избавляя их от болезней и вымаливал у Господа им здоровье; тот, чей организм был смелому наборам суровыми лишениями подвижнической жизни и смерти и выживал вопреки всем законам медицины – тот, казался, не может уйти, оставив всех сиротами. Господь призвал его к Себе, когда он достиг полной своей меры и послужил ближним до самого конца своих земных сил» (О жизни схархимандрита Виталия. Москва. 2002).

1 декабря – день его памяти. Накануне всегда совершается панихида и в стенах Задонского Рождество-Богородицкого мужского монастыря. В этот год, как и всегда, живое присутствие батюшки поражало всех, ощущалось особое состояние духовного подъема. Слово владыки Никона, его воспоминания о старце глубоко трогали сердца присутствующих... Панихида закончилась, а народ еще долго не раскисился... Как не хочется всегда уходить от Старца, так не хотелось покидать тогда храм...

Предаваем, дорогие читатели, слово пресвященного Никона, епископа Задонского, сказанное в тот памятный день.

Десять лет прошло... Это малые юбилеи. Десять лет, и так каждый год мы вспоминаем о жизни и подвиге схархимандрита Виталия. Он – наш современник, он жил в советское время гонимый, жил в то время, когда началась перестройка в нашем отечестве.

Каждый человек является строителем. И Господь определяет ему жизнь не для того, чтобы умереть, а чтобы в этой жизни он построил духовное здание добрых дел.

По нашим добрым делам мы определяем здесь, на земле, что из себя представляет человек, тем более Господь определяет участь души человека. Сегодня утром, уже перед подъемом, приснился мне отец Виталий. Сон какой-то знаменательный, потому что, вероятно, батюшка видит и знает, что мы молимся в день его кончины. Я вижу, что нахожусь в здании, был со мной игумен Никита вологодский – он лег спать, и в здании я один – и смотрю: где же одежда мой? И вдруг вижу отца Виталия, множество людей. Отец Виталий ставит на панихидный столик свечи. И тут же вижу его изображение – он, нагнувшись, изображен на какой-то доске из воска. Я говорю: «Батюшка, дай мне вот это изображение...» А он говорит: «Вот, раб Божий... Вот, раб Божий...» Я спит: «Батюшка, ну дай, пожалуйста...» «Ну, – говорит, – бер!» На обратной стороне – то же самое из воска, он так же, полуогнувшись, ставит свечи. И тогда я думаю: «А где же одежда моя?» Подхожу и вижу – расу надену, вытряхиваю, поручи, ризу – как будто бы вытряхивали нет. Глянул – нет, есть.

Звонил будильник – проснулся. И вот этот сон как-то утешил меня, что отец Виталий и до сего времени ставит свечи за нас. Потому что сколько я ни был знаком с ним – и на приходе 14 лет, и здесь – всегда он говорил, что «за вас горит свеча». И когда я как-то малодушничал и говорил: «Батюшка, ничего не получается...» Он отвечал: «Ты не беспокойся, за твой монастырь горит свеча...»

Я больше чем уверен, до сего времени батюшка не оставляет нас своим покровом, своей молитвой. Ведь как хорошо, когда мы имеем у себя какого-то покровителя, который защищает нас от всяких невзгод, от всяческих болезней и страданий, и может быть, не только защищает, а приготавливает нас к этим страданиям, к несению тех

скорбей, посредством которых мы должны спасти свои души.

Его жизнь... Он не был светимейшим человеком. Если кто-то не хотел услышать и исполнить его слово, а исполнял свои желания, то, конечно, бывал наказан, и потом мы горько скорбим: «Вот батюшка говорил, а я не послушался его...» Это вот самое для меня печальное событие, когда игумен Серафим, который был в Духовной миссии в Иерусалиме, пришел оттуда, пришел к батюшке – я там был. Он просят:

– Батюшка, ради Бога, благослови, я не поеду туда.

Он говорит:

– Ну кто же едет туда.

– Батюшка, я не могу там. Батюшка, благослови, я не поеду. Я лягу в больницу. Батюшка, ну благослови, я не поеду...

– Ну что же, Бог благословит...

И потом его казнили в Москве, в квартире... Я так думаю: почему батюшка не открыл ему, что его ожидает такая участь? Но все равно, погиб мученически. Разве будет старец препятствовать такому отходу? Разве он откроем ему, что вот тебя ждет это мученичество, не ходи этой тропой... И когда ему самому сказали: «Не ходи вниз в селение – тебя убьют...», он помолвился и сказал: «Господи, на все святая Твоя воля», – и пошел. И там стреляли в него, осечка была. Не было воли Божией, чтобы он ушел раньше времени – для нас, не для него. Он готов был всегда к вечности. Мы не готовы были, потому что, когда приезжали к нему, просили: «Батюшка, ну, ради Бога, позволь для нас... Ну хотя бы немножко»

ко познанию, наставь... Мы еще и не умеем ходить, духовно мы очень слабы» – и батюшка так улыбнется, ничего не ответит, но мы же просили его...

А что было, когда стоял гроб в храме. Люди подыскивали, бросались к гробу, рыдали, говорили: «батюшка, ну зачем ты нас оставил? Мы только начали познавать духовную жизнь – через тебя мы увидели себя, познали Бога, увидели тот путь... Еще мы так несовершенны – зачем ты оставил равные времена нас?»

Он был строителем и строил здание духовное, и кирпичиками этого здания были мы. Он старался нас подогнать, чтобы здание было бы ровным, желал, чтобы это здание было крепким, устойчивым.

Если же мы были непослушными – мы как тот гипсовый кирпич, который рассыпается... приходилось нашивать кирпичи. И этот большой человек, старец, постоянно клал поклоны, а мы... И он о себе говорил: «Я как кабан, я жирный как кабан». Это он говорил про оплошавших к нам, потому что какой он кабан, когда он жил без одной почки. Ему сделали пять операций. У него не доставало азота в организме, и он говорил: «Врачи еление создали препарат пополнения азота в организме человека. Видишь, руки чистые. Вот смотри: под краном руки мою, вода бежит темная. И сколько бы я не мыл, она темная, потому что в организме не хватает азота. От этого у меня такое беснуется. Если я ложу, то у меня прекращаются головные боли, но слабость такая во всем теле, что я падаю. Если я лягу, то у меня открываются старевающие головные вены». И он действительно постоянно голову стягивал туго-натуго платком.

И вот, дорогие, он исправил нас не только словом – исправил своими подвижками, своим трудом. И когда однажды раб Божий ударил женщину, ему пришлось две тысячи поклонов положить, иначе была бы большая беда.

«Большая беда» – эти слова для нас как-то непонятны и может быть незначительны. Но большая беда – в его устах – это или смерть или страдания, может быть, на всю жизнь...

Десять лет прошло... И, действительно, какое чудо, когда сегодня я увидел батюшку. Когда равные приезжал к нему, видел: он свежее ставит, поклоны накладывает, пишет ответ или письмо тому, кто нуждается в его помощи. Он писал немного, но его слова были: «А что много писать?» «Простите, благословите, спасайтесь!» В этих словах

все заключено – и то, что нужно пропалить всем все согрешения и просить у всех прощения и благословить всех. Как он говорил: «Родительское благословение – это Божие благословение». И спастись, мы знаем, очень трудно. Особенно сейчас: мы стали ленивыми, мы стали бездельными – это многооплаивание, многоодеяние, многоодеяние, пустоодеяние... Все это приводит нас к тому, что мы становимся бездейственными в молитве, в постах, в добрых делах.

Панихида на могиле старца митрополита Виталия, 1 декабря 1998 г., в Тольяти

Мы знаем, что идеалом нашей жизни является Иисус Христос. Но нам кажется, что идти за Христом, исполнять Его заповеди в нашей жизни невозможно. И когда я смотрю на жизнь отца Виталия: для него смерть – это действительно приобретение Христа! Когда я приезжал от него, желание было – ну все, приезжаю, меняю свой образ жизни: поклоны, чтение Священного Писания. Но требы, стройки постепенно вытесняли то малое мое начинание, и опять я таким же был, как и раньше. Опять едем к отцу Виталию. Опять он наставляет, опять поучает теми поучениями, которыми мы сейчас нас поучаем, которые вы читаете в святоотеческих книгах: «Луг духовный», «Лествица», «Добротолюбие» и другие. Это те книги, которые направляют нас к подвигу, к самоотречению, являются нашими путеводителями, ведущими нас в Царство Небесное.

Мы видели, как строил духовное здание отец Виталий для Царства Небесного. И наша жизнь – все то же по-

строение здания. Когда мы молимся, нас легко на душе. Хотя гету немножко трудно. Когда легко на душе, тогда мы и друг друга переносим легко. И если кто-то нас встречает с обидой, или ревностью или со злом мы легко переносим – мы своей мирной душой, через молитву погашаем волны – хлыб высокие, коварные, лживые, идущие от человека на нас, чтобы и нас втянуть в свари, скандалы, злопомнения. И поэтому молитва, говорят святые отцы,

убирает все преграды на пути человека, очищает человека, так что он видит путь. Если мы удерживаемся в молитве, то все перенесем свободно, без соблазна и можем даже с усилением сгладить те неровности, которые видим. Наша жизнь – это хождение по ним, если бы у нас все было гладко, мы не смогли бы достичь Царства Небесного. Через эти переживания, через страдания или трудные отношения друг с другом мы познаем Христа, мы идем путем Христовым, мы несем Крест не по гладкой дорожке Гримулу Иерусалиму, а путь наш тернистый – по ухабам, по разным преткновениям: идем, падаем, встает и опять идем.

Такой путь – путь старческий, потому что старики никогда не жалели себя, никогда не шли в обход – они знали: если одолеешь этот путь, значит, будешь у Бога, с Ним рядом и Он с тобой. Если не одолеешь – вероятно, нужно начинать опять прокладывать. Через молитву и трудности Бог приходит к человеку и приносит ему покой, радость, любовь о Духе Святом. И этот человек не может спрятать благодать от Духа Святого, исходящую от него, его видно на многие расстояния.

Зачарованными глазами смотрели мы на отца Виталия: мы ловили каждое его слово, когда он садился на пол храма, а мы – вокруг него. И не только протыло слушали (да сиди и не слышишь рядом), просто было приятно находиться с ним – так как исходящая от него сила Божия и такое было состояние у нас – радости, отрешенности от всего земного. Не то, что мы думали о небесном – нам было не до небесного, мы не понимали, что с нами происходит. Мы чувствовали такое облегчение, как будто бы взбирались на гору и взобрались, наконец-то сидишь и отдыхаешь, слушаешь... Батюшка это все понимал...

Конечно, многое мы упустили: двадцать лет общения с ним... Много можно было бы повторить, привнести нового. Вы знаете, что в Оптиной была

преемство старческое. Но здесь «окуде преподобный», и батюшка говорит: «Я всех вас вручаю Пресвятой Богородице!»...

Когда у него отказала вторая почка, и он лежал парализованный, то левой рукой крестился и не мог слова сказать. Ему давали яблоки, апельсины, а он всем приходящим отдавал и плакал. Он плакал не за себя — плакал о том, что мы останемся сиротами.

И как нужен он сейчас, в настоящее время — время неопределенности... Батюшка говорил: «Всегда молитесь!» Старайтесь читать Иисусову молитву. Когда мы молимся, наш разум занят Богом. Но как молитвы эти у нас молитва, если мы живем в ссорах, если мы не терпим друг друга? Мы можем обнять, что это бес во мне или воле меня, который не даст мирно жить друг с другом, что у этого — трудный характер, а этот — такой человек злобный!...

Когда мы пребываем в молитве, то и бесы удаляются, и злобы нет, и все мы — одна семья Бога-Создателя!...

Батюшка был как центр сосредоточения любви. К нему все приходило. Возле него куда-то уходили те бесы, которых приносили люди в себе, куда-то уходили и злоба, и ненависть, и мнение — все вокруг становилось другим. Мы удивлялись: как человек может измениться? Как было бы хорошо: уйти от батюшки и жить вот такой же жизнью — доброй, мирной, любвеобильной. Но как только отказали от батюшки, опять жгетейские похотины заполнили наш разум. Нам нужно что-то сделать, что-то совершить и т.д., и с этого начинались все те проблемы, которые сейчас имеем — экономические, социальные, духовные все угасает. Сегодня мы не такие, какие были вчера. А вчера мы были не такие, как позавчера. У старцев — наоборот. У них шел прогресс в духовной жизни, у нас — в материальной.

Мы говорю, — строители, а что мы строим? Строим все то, что нужно на потребу нам, нашей плоти. Поэтому то настроение и то направление, которое было у нас в мире, мы внесли в храм,

монастырь. И стараемся здесь, поставя час-другой на Божественной службе, обновиться. А грехи в келью, на послушание, мы начинаем жить той мирской жизнью, которая неразрывна с нами. Для того, чтобы избавиться от нее, нужно отечь (как хирург отсекает нарост на теле — с кровью, болью) все то, что мы приобрели в мире душевного. И вот этим-то хирургом являлись старцы. А мы кричим: «Батюшка, больно! Батюшка, я боюсь...». Отцу Виталию приходилось эту боль брать на себя.

И хотя сейчас отца Виталия у нас нет видимо, но невидимо он с нами. И вот тот сон — подтверждение тому, что батюшка и сейчас за нас ставит свечи, он за нас волнуется, переживает о наших падениях, нашей злобности и нашем нерадении. Царство Небесное, вечной покой старца-мученика Виталию. Господь Бог убождает его, упокоит, а нас помидует. Аминь.

30 ноября 2002 г.

Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь

Конечно, одно из самых великих испытаний веры составляет то непомерное, невыносимое, как кажется подчас, страдание, которое так часто Бог посылает людям, служащим Ему с особым усердием, полагающим в этом служении Богу всю свою жизнь.

Вот человек и без того уже тяжело испытан. С молодых лет, с детских еще лет он горячо веровал в Бога, молился, постоянно помнил о Боге, постоянно призывал Его в руководители своей жизни; все, что с ним ни случалось, — все приписывал крепкой руке Божьей, убежденно и покорно принимая из этой руки и радость, и горе.

И вот, когда началась самостоятельная жизнь, человек не увидел над собой руки Божьей, помогающей ему во всех его делах. При постоянном труде, добросовестности, знаниях, при умеренности по всем, человек не мог добиться того благосостояния, которое с гораздо меньшими усилиями удалось другим людям, менее его способным, менее дельным, менее выдержанным.

Духовные впечатления мирянина

Где же Он?

И вот является назойливая мысль, постоянно искушающая сознание: «Что же это происходит? Я, надеясь постоянно на Божию помощь, работаю, как вол, не могу достичь того, чего другие, не ищущие этой помощи, достигают легко, свободно, шутя... Я молюсь, я зову на себя силу Божией десницы. Но я не чувствую ее. Бог или отворачивается от меня за что-то, или ... или Его нет, я молюсь в пустоту, я надеюсь на Него тщетно, напрасно»...

И много нужно глубокой, сердечной веры, чтобы объяснить себе, почему в большинстве случаев очень верующие люди не избалованы житейскими удачами. Потому что, выражаясь грубо, религия человека вовсе не есть билет для беззаботного и благоденственного проживания на земле. Потому что то «Царствие Небесное», которое ценою Своей крестной жертвы изнелет на землю Христос, не есть вовсе

контра для устройства земных дел. Религия не дает внешнего благополучия. Она дает то счастье духа, которое, раз оно действительно воцарилось в человеке, не может быть расколблено никакими внешними несчастьями и недочетами.

И не тот случай, о котором сейчас было говорено, является наиболее тяжким испытанием веры. Тяжелее и ужаснее всего, когда Бог этот дух испытывает, когда не внешними одними недостатками и неудачами всякий новый день бьет человека, а когда вся душа человеческая страдает жестоко, неминуемо и на эту-то израненную, большую душу один за другим падают все новые и новые удары. И это бывает иногда так ужасно, что даже постоянный зритель этой пытки, страдающий от этого зрелища, возмущается готов крикнуть в высокое небо: «Господи, да остановись же! Ты ведь видишь, что здесь одна сплош-

ная боль! Зачем же Ты поражаешь еще и еще? Избери другую жертву: здесь страдание бьет через край!»

Но нет: вы видите, как на покорно склоненную голову обрушиваются все новые и новые удары, и вам тяжело, и что-то вроде богохульства говорит вам тогда: «Отчего же эта рука поражает так именно тех, кто эту руку с любовью и страхом целует? И отчего эта рука не опускается так тяжело на тех, кто Богу противится?»

И здесь, в условиях земного бытия с чисто человеческой точки зрения мы не найдем разрешения этой тяжелой задачи. Но, когда земное страдание кончится и человек, безропотно, покорно, с любовью и доверием принимавший от Бога посылаемую ему муку, тогда, вне уз тела, недоступной никакому уже страданию, смело войдет в обители неба, — тогда-то, думая об этой судьбе, не можем ее разгадать...

Мы ясно чувствуем, что то страдание, на которое мы, с таким ужасом и с таким ропотом на Бога, смотрели, — должно смениться тем более напряженными радостями, чем ожесточеннее было это страдание, и земной гнетущий путь этого человека представляется нам теперь крутой, каменной тропой, возводящей на вершину неотъемлемого счастья.

В чем же тайна, в чем же объяснение?

Да в том, что именно тех людей, которые Его особенно шлут, особенно Ему преданы, особенно способны Его понять и различить. Его любовь даже в то время, когда, по-видимому, Он к ним безжалостен, — таких-то людей преимущественно избирает Бог Себе в удел. А тех, кого Он избрал, Он приобщает к Своему страданию.

Быть любимым, отличающимся Богом и не быть с Ним распятым — невозможно. Горечь и огонь страдания есть та неременная проба, которая должна быть наложена на искреннюю веру и горячую любовь.

Нам видно в муке человека одно внешнее. Мы не знаем и не можем понять те высокие тайны, какие в этой муке совершаются между Богом и человеком. Когда эта мука достигла своего апогея и человек чувствует что-то подобное тому, что пережил на Кресте Своем Сам Искушитель, тогда внезапно, в этом сознании причастия к муке распятого Бога, возникает в душе невыразимое, чудное счастье. Точно к душе этой во плоти склонился распротертый на древе Христос и, принимая душу к Себе, безмолвно утешает ее непостижимым утешением. И в эту минуту горя человеческого, дошедшего до своего апогея и тем самым переродившегося в духовное высшее счастье, как не благодарить душе Бога за тот скорбный путь, которым она этого счастья достигла!

Да, глубину горя земли Бог для того дает узнать Своим избранным, чтобы крепче привлекать их к Себе. Когда все в душе обратится в одну язву, одну сплошную боль, тогда, лишь тогда, с великою силой и полною ясностью почувствует душа, что она страдает со Христом, во имя Христа и для счастья во Христе, и поймет, что в Нем одном вся отрада, и что только Он один не причиняет муки даже в те часы, когда, по-видимому, нас поражает.

Итак, когда мы будем видеть перед собой человека, испытания которого покажут нам превосходящими всякую меру, и в душе нашей будет слагаться ропот на Бога, — скажем себе, что Бог знает, как и почему Он так поражает этого человека. Не будем вопить: «Где же Он? Но скажем себе, что Он близок: близко при этом человеке, хотя быть может, и кажется в те дни страдания, что Бог от него сокрылся, о нем забыл, что молитва его неслется в небо, где Бога нет, и вся вера в этой его жизни была самообманом, мражем, причастием которого теперь обтаружились.

Скажем себе, что страдание, и страдание безвыходное, упорное, жестокое, есть тот магнит, каким Бог притягивает к Себе души чающих Его любви.

Мы мечтаем встретить Бога в веселых рощах жизни. Мы хотели бы увидеть Его в радостях и клках наших праздников. Но нет: наш Бог на Голгофе, и тот, кто хочет ближе увидеть Его и теснее с Ним слиться, должен сам войти на Голгофу.

Позор, мука и отчаяние Голгофы сменяется славом, счастьем и надежным, неизмеримым блаженством рая. Но путь в рай — через крест. И, веруя, мы должны часто и часто напоминать себе:

— Христос на Голгофе!

Будем ли в счастье мира без Него? Будем ли в невыразимых скорбях, но с Ним?

Е. ПОСЕЛЯНИН
«РУССКИЙ ПАЛОМНИК»,
№24, 1907 г.

Радость мученичества за Христа

Какую же любовь ко Христу имели святые мученики, какую отвагу! Святкой Логгини (память 16 октября) устроил угощение для повнов, которые пришли его схватить, и принял их в свой дом. Пришедшие торжественно показали им Логгину, чтобы отсечь ему голову, а он говорил им: «Я покажу вам его!» Когда он сказал им, что Логгин это он и есть, то они заволелевались, но святкой убедил их исполнить поручение. И они усекли его главу. А какая выдержка была у святого Гедона Каракальского (память 30 декабря). «Резьте руку, — сказал он палачам, —

резайте и ногу, резайте и нос! Чтобы не многословить, резайте все!» Поразительно! Но для того, чтобы достигнуть этого уровня, человек должен не любить самого себя и любить Бога.

А сколько святые шли на мученичество и переживали такую радость, словно шли на торжество! Святкой Ипатвий Богоносцев (память 20 декабря) безжалостно на место мучений и кричал: «Дайте мне претерпеть мучение, дайте мне быть съеденным зверями!...

Старей Павлин Савитицкий.
«Славя», т.2. «Духовное пробуждение»

Каллиграфический рисунок

Скворцы за Христа и

(рассказ старой монахини)
часть 2

*Начало испытаний.
Суд. «Она не в своем уме!»
Тюрьма. «Цирк» в кинозале.
На поселении.*

Приехала я в Почаев. Душа как птичка – ничего ей не нужно!. Мы с одной сестрой жили как странники – днем молились, работали на двор мести надо, то в храме убирать, то еще что), а на ночлег уходили к благодетелям или у преподобного Иова прямо на улице ночевали.

В это время началось гонение на монастырь. Забрали нас в милицию, привезли, начали допрашивать. В то время как нас допрашивали, звонят гудом и говорят: «На Божьей Горке схватили одного странника. Куда его? Божия Горка к чему относится: к Почаеву или к Кременчу?» Кременчу – это двадцать километров от Почаева. Я знала, что там братия жили, думаю: «Вот, уже Михаила забрали». Там был камень – под ним когда-то давным-давно два монаха подвизались, а сейчас эти два брата жили. Когда началась облава, одного из них в Почаеве схватили, а другой пошел к криничке воды набирать, и когда за ним пришли, увидели след и по следу его догнали, потому что уже зима была.

Потом нас судили. Привели меня и сестру Марию, с которой мы жили. Сначала ее судили. Я спрашиваю: «Мария, сколько тебе дали?» Она отвечает: «17 лет вольной высылки». Я говорю: «Мария, или скорее – станючись на колени, молись, чтобы мне десять лет дали!» Конвоир говорит тем, которые судят (а там их целый ряд сидят): «Что с ними, с этими верующими, делать? Мирскому дашь полгода – он ведь на себе весь волос выдерет, а эти христиане... Эта вот говорит: "Молись, чтобы мне десять лет дали"».

Начали меня судить. Стоит стол, а за столом самый первый их диавол – Лысый¹. Я села к ним спиной и вот так сиду. Они:

– Повернись к нам.

– Нельзя к вам повернуться: у вас диавол за спиной. Дайте, я пойду, его сорву, изорву на кусочки и выкину. Тогда к вам повернусь.

Свято-Успенская Почаевская лавра

– Повернись к нам! – опять говорят.

– Нет, не повернусь, нельзя к вам поворачиваться. У вас за спиной на стенке... – они поворачиваются, а он на стенке висит...

Простили-простил:

– Ну, хоть боком повернись.

– Ну, ладно, боком повернусь.

– Кто твой отец был?

Я говорю:

– Да кто отец был? У отца машина была – молотилка. Он на ней работал: себе помолотит, тебе помолотит, другому, третьему... Все собираются, все село – и всем бесплатно, ничего не брал. А его осудили, сказали «кулак». И меня тоже: связи с работы и дали «вольный билет», чтобы ни где не устроилась. За что? За то только, что

¹ Над столом висел портрет Ленина (прим. ред.).

в церковь ходила – причин больше нет.

Смотрю: они все это пишут. А наши верующие меня предупреждали: «Смотри, ничего не говори, молчи!» А я знаю, как трудно в тюрьме и сильно хочу в тюрьму. Думаю: «Надо побольше им наговорить, да еще что-нибудь "задеть", чтобы мне больше дали». Чтоб потерпеть за Христа. Наши хотят, чтобы меня отпустили, а я молось, чтоб не отпустили. Адвокат защищал: «То, что она говорила на суде, – не в своем уме говорила. Она – боная на голову».

Корчился суд. Дали мне пять лет.

Подходят ко мне начальники в золотых погонах и спрашивают:

– В своем ли ты уме все это говорила?

Я отвечаю:

– Да, да, начальник, – в своем уме!

– Ну, и иди в тюрьму. Тебе еще пятнадцать лет добавят.

Я-то, да если бы!

– Еще пятнадцать?! Спаси тебя Господи! Какое блаженство: еще пятнадцать лет! Пять и пятнадцать – уже двадцать! Сколько радости!..

Смотрю – они головы опустили: «Значит, – думают, – действительно, боная, помешанная...» Уже не рады, что и пять дали...

...А один из надсмотрщиков раньше был священником. Мы не знали, кто он такой: начальник и начальник. Но его села за что-то осудили женщину и потом, когда нас уже вели на высылку, она нам рассказала, кто он. Как раз священников в то время сильно судили. Он прятался, а где-то поймали... и что? ...Дали работу – корпусуем. Та женщина сказала, что его родители все сосланы в Сибирь.

Прозвище у него было «Блестелов» – за то, что сильно сапоги блестящие. Он сильно добрый был. У надсмотрщика спрашиваю: «Ходят они на прогулку?» А мы на прогулку не идем, потому что там только небошко видно: стенки и цементный пол – вот тебе и вся прогулка. И мы не хотим. Корпусной ему

– Говорит, ты что-то носишь им. А она так сильно строго отвечает: – Если ты первый понос бы, ду- маешь, я не нашла б?!

Они поверили.

... Начали мы красоту собирать, а соли нет. Крапиву можно бы нарвать и наварить, а как без соли? Одна больная говорит (Царство ей Небесное – она умерла потом – Евдокия): «Пойди на мусорники, может, там какие листочки от капусты найдешь». Как раз Успение было. Я пошла – нашла две копейки. Две копейки!.. Я думала: «Я богаче царя». Пошла, на две копейки в первую очередь соли взяла. Продавцы видят, что мы ссыльные – они больше дали. Пришла домой: «Девчата, теперь у нас соль есть – можем красоту посодить!»

Потом начали грибы собирать в лесу. Когда уже позжили, знали грибы. А когда нас только еще привезли, был такой случай. Однажды вижу: кто-то сено скосил и вместе с сеном один грибочек скошенный. Я взяла его, заплакала. Говорю: «Съем я его – этот грибочек. Варить его не с чем, делить его на восемь надить человек – маленький сильно», – и съела.

Росла там калина, только она чуть красная. Я три месяца до суда

и три месяца после – шесть месяцев ела ее горстями, пока нас довели до места. Может, и требовалась горсть – не знаю. Или так Господь сделал: я ее рву, горстями ем – она мне сладкая, а те, которые только осуждены, по одной штуке взяли – им как польня горькая показалась. И плачут: «Мы не можем есть». А я ем, мне хорошая, сладкая. Вот я до сих пор не пойму – или Господь так уладил?

Как я читала одну книгу: тоже гонения были и два брата жили в пустыне. Там росла горькая трава, они ее рвали, варили и ели, и Господь им улаждал. Потом прошло гонение, они возвратились в монастырь. А в монастыре изобилие всего, сильно хорошо кушают; и рыба, и молочко, и борщик со сметаной. Даже в среду и пятницу – с масличком постным: опять сильно вкусно. Те два брата советуются друг с другом, говорят: «Это нам слишком роскошно. Давай опять будем ту траву рвать и так же с тобой варить». А такая трава была там. Сварили они ее и чуть не отравились. И Господь им сказал:

– Если бы вы отравились – пошли бы в ад.

– А почему?

– Когда, – говорит, – вы жили в таком месте, что вам нечего было есть, то Я вам улаждал ее, а те-

перь не мудрствуйте: что братья едят, то и вы ешьте.

Потом нам разрешили вольно жить – не в тюрьме.

Привезли нас, бросили. Там жители жили – у них никогда бутылки не принимали, все на свалку выкидывали. А власти разрешили, чтобы у нас принимали. И вот мы ходим, бутылки собираем, моём. Принесем, нам говорят:

– Что вам дать за бутылки?

– Хлебушка нам дайте.

А один раз конфет дали. У них в магазине стояла чашка со старыми конфетами, они уже все растаяли от жары, как повидло. Жители хорошо живут, не берут их – хоть выбрасывай. А мы принесли бутылки, продавцы нам и говорят: «Может, вы возьмете вот этих конфеток?» Я отвечаю: «Давайте – поедем».

Как-то раз – как оно такое получилось? – не знаю. Мы вроде бы уже не такие голодные были. Я пришла с другой ссыльной, взяли с ней хлеб, вышли. Она прямо от целой буханки откусывает и с такой жадностью хлебушек тот ест. Продавцы прямо слезами залились – они ведь тоже когда-то были высланы вместе с родителями. А выросли – стали продавцами. Потому они нас так жалели: «Глянь, какие они голодные, бедные!»

Христианская поэзия

У вас душа не плакала по Богу
И не рыдала горько о грехах?
И, грань пройдя церковного порога,
Вы не глотали слезы впопыхах?
Тогда вам незнакомо ощущение
Прикосновения к Истине живой.
И тихое монашеское пенье
Не тронет душу трепетной тоской,
Не поманит с собой, не растревожит,
Безчувственности не растопит лед.
А просто сердце Господа, быть может,
Не ищет, не рыдает, не зовет?
Но, значит, вы не знаете Россию,
Что издревле крестилась во Христа.
И не для вас Святая Литургия,
Когда открыты Царские Врата,

Звон колокольный, клиросное пенье
И возглас иерея с алтаря.
Вы не молились после причащения,
За милости Творца благодаря?
Когда еще едва рассвет занялся,
Не приходили в храм в столь ранний час?..
Но ведь Господь страдал и Он распялся
За всех. А это значит – и за вас.

Ольга Коновалова

Уроки жизни:

Не беги от искушений

Амма Феодора поведала: «Некий инок, одолеваемый множеством скорбей, сказал сам себе: «Уйду отсюда!». С этими словами он начал надевать сандалии на ноги и внезапно увидел в углу кельи другого человека [это был бес], который, также обувавшись, сказал ему: «Из-за меня ли ты уходишь отсюда? Во всяком месте, куда бы ты не пошел, я уже буду прежде тебя!» (Еп. Игнатий. Отчешик).

ПО ПИСЬМАМ

Бог и семья - это то, что детей хранит

Н внов, дорогие читатели, мы обращаемся к письмам одной верующей женщины из Москвы. Ее письма дышат простотой, искренней любовью к своим детям. У этой мамы болит сердце за своих детей, она переживает за них, молится, старается сделать все, что может для спасения их души. Это очень важно! Спасение детей нужно выстрадать, без боли сердечной за них их не спасти. Любовь к детям вызывает в сердце мамы переживание за них и их будущее. Это страдание, в соединении с любовью и молитвой, очищает сердце, содействует его еще более чутким, отзывчивым, любящим, глубоким. Такое сердце и молится горячо, искренне, самоотверженно, оно находит нужные слова, наставления и вразумления для любимых детей. Обладатель такого сердца не покалечит сил и времени и с Божией помощью преодолает все трудности в деле спасения детей. Господь пошлет ему сердечную мудрость, силы, терпение, самоотверженность, поможет избежать всех крайностей, опасностей, ловушек. За любовь к детям поможет их спасти.

Вот что пишет нам любящая мама о своем сыне:

Мальчик - это моя радость, которую Господь подарил мне. Я так благодарна Ему за это! Сейчас сыну 10 лет. Мне кажется, что в его душе пока еще много чистоты и доброты. Конечно, постепенно он

начинает портиться, скажет грубое слово. Стараюсь, как могу, беречь его от зла. Мы регулярно ходим в храм, стараемся хотя бы раз в месяц приващаться. Ходим и в Воскресную школу при нашем храме, а еще занимаемся на уроках рисования, углубленных уроках английского, немного будем на свирельке, посещаем бассейн. Стараюсь, чтобы сынок был все время занят чем-то полезным, не будет оставаться пустого времени, которое можно было бы заполнить чем-то вредным. Стремлюсь так организовать нашу жизнь, чтобы мы как можно чаще были вместе. Я даже никуда не отпускаю его одного, сама езжу вместе с сыном в кружки. Каждое лето мы вместе совершаем одну или несколько паломнических поездок по Святым местам, молимся за нашу семью.

Гулять одного я его тоже не пускаю. Сейчас этого делать просто нельзя, на улице в наше время только плохому и научившись, особенно в Москве и в других больших городах. Ребята собираются в «стада» - курят, ругаются. Так их жалко!

Пока мальчик достаточно безболезненно воспринимает то, что я не пускаю его одного гулять. Но что будет дальше? Ведь когда подрастет, сумею ли я его удержать?

В школе сын видит много плохого, нравственный облик молодежи, особенно старшеклассников, вызывает боль. К сожалению, не только в школе, но и дома от старшей сестры мальчик слышит плохие слова, окрики, ведь дети как губка все впитывают. Бывают дни просто ужасные, когда все грубит, не слушается. В такие дни я стараюсь не спорить, не пререкаться, а больше молиться.

Очень я боюсь раздражения, озлобления. Так хочется, чтобы в нашей семье был мир.

Быть матерью - это долгий крест

Автор этого письма пришла к вере довольно поздно. Ее старшая дочь выросла без храма Божия, без Таинства церковных, ее не учили верить в Бога, молиться, соблюдать заповеди Божии. Муж этой верующей женщины тоже от храма весьма далек.

Это очень тяжелый крест для мамы, когда в семье нет духовного единства. А ведь семья должна быть малой Церковью — очагом веры, любви и молитвы, спасительным ковчегом для детей, их защитой от соблазнов плоти, мира и дьявола. Страшно разделение семьи. Это словно пробовна в ковчеге спасения, через которую силы зла наносят духовные раны душам детей — всевают в них грех.

«Семья — это крепость», на которую враг человек (дьявол) не устает нападать. Семья христианина — отец, мать, дети — это образ Святой Троицы на земле» (Н. Пестов).

Она должна быть одним целым в любви и вере. Тогда и дети вырастают верующими, любящими, чуткими и спасаются.

Еще до зачатия ребенка родители должны горячо молиться Богу сами и отслужить молебен в храме. В период беременности маме необходимо как можно чаще бывать в храме, исповедоваться, причащаться, молиться, читать духовную литературу, вкушать антидор, профору, пить святую воду, соприкосаться со святыней.

Тогда и роды пройдут благополучно, и ребенок родится здоровым, тихим, спокойным, добрым, одухотворенным.

Во время беременности нужно поддерживать в супружеских отношениях, в противном случае и ребенок может родиться сластолюбивым. Духовное воспитание еще нерожденного и даже незачатого ребенка начинается с благочестия и чистоты родителей.

Тип человека, его характер формируется в первые три года его жизни. Православная мама кормит младенца грудью, а сама поет молитвы:

«Богородице Дево, радуйся...», «Отче наш». И когда кашку варит и когда ребеночка спать укладывает — все молитвы поет. И пища, и постелька освещаются от этого, освещается и младенец. Добрая мама часто крестит малыша, прикладывает к его губкам крестик. В одной

семье папа устроил иконостасик прямо в детской кроватке, так прикрутил — подвесил иконы, что образы находились перед глазами двух малышей. «Это было первое, напер-

ное, после наших с мужем и свекровью лиц, что смогли увидеть сын и дочка» — рассказывала потом их мама. Верующая родительница постоянно приносит свое дитя в церковь, причащает, прикладывает к святыням, подносит под благословение священника. «Ребенок в этой молитвенной атмосфере растет. Ему всего сорок дней, а он уже все выптывает. За три года дитя вбирает в себя столько, что несет потом всю жизнь» (Протоиерей Евгений Шестун). Отрывать ребенка от церкви — самое губительное для него в деле воспитания. Нельзя думать, что когда вырастет — сам в Церковь придет. Ведь он вырастет уже сформировавшийся, и нужно будет ломать, переделывать. А все добрые семена, впитанные с младенчества, обязательно выйдут потом и будут плодоносными.

И в дальнейшем ребенок должен расти в лоне семьи. Если есть возможность, то лучше не отдавать ребенка в детский садик, где он может выптывать много плохого. Не нужно бояться, что ребенок не будет готов к общению с другими людьми. В семье он общается с образованными, духовными людьми. Что еще нужно? А в детском садике дети и дерутся, и иг-

рушки друг у друга отнимают; кто-то строит домики, кто-то их топчет и бомбит; один произносит плохие слова, другие интересуются этими новыми словами и крепко запоминают их. На детской площадке — модель мира, а «мир во зле лежит» (Иин. 5, 19).

Добрая мама, автор письма, права в том, что не отпускает сына гулять одного. Известен совет современных старцев, не отпускать детей

МОЛИТВА РОДИТЕЛЕЙ О СВОИХ ДЕТАХ

Милосердный Господи, Иисусе Христе, Тебе кричу дети твои, которых Ты даровал нам.

Прости Тебе, Господи, спаси их путями, которые Ты один знаешь. Сохрани их от пороков и зла, и гордости, и да не коснется душ их ничто противное Тебе. По веру и надежду на спасение даруй им, и да будут они у Тебя избранными сосудами Духа Святого, и да увидят свят и непорочен пред Богом их жизненный путь.

Благослови их, Господи, да стремится он каждую минуту жизни своей исполнять волю Твою Святую, даки Ты, Господи, мог всегда пребывать с ними Духом Своим Святым.

Господи, научи их молиться Тебе, даки молитва была им утешением и отрадой в скорбях и утешением жизни их, и да молитвою их спасется и мы, их родители. Ангелы Твои да охраняют их всегда. Да будут дети наши чутки к горю ближних своих, и да исполняют они Твою заповедь любви. И если согрешат они, то соизволи их, Господи, принести покаяние Тебе, и Ты по своей неизреченной милости прости их. Когда же окончится жизнь их земная, то возьми их в Свои Небесные Обители, куда путь ведут они с твоею и других райов Твоих избранных.

Молитвою Пречистой Твоей Матери Богородицы и Преподобных Младенцев и Святых Твоих (имена всех Святых, семьи), Господи, помилуй и спаси нас, яко преспаславен еси со Безначальным Твоим Отцем и Пресвятым Духом ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

одних на улицу, где столько соблазнов, которые могут погубить их души.

Надо стараться держаться всей семье вместе. Родители должны ради этого пожертвовать своим покоем, удобствами, чтобы все или почти все делать совместно с детьми. Вместе ходить в храм, молиться, готовить пищу, работать по дому, вместе отдыхать, сопровождая все это добрыми, доверительными, благочестивыми разговорами. Вместе читать детскую Библию, жития Святых, былинки, добрые сказки, вместе петь добрые песни. Конечно, дети во время отдыха, будут резвиться, все это нужно от души организовать – на природу выезжать, досуг обеспечить.

Нужно стараться всем вместе быть.

Дети живут жизнью семьи, и то, чем живут родители, становится естественным и для них. Ведь не нужно заставлять ребенка дышать. Так и здесь. Когда в семье родители любят друг друга и детей, уважают других людей, слушаются духовных отцов, уважают и слушаются начальников, когда жена слушается мужа, а он уважает жену, когда в семье нет ссор, ругани – тогда и дети вырастает послушными, уважаемыми, любящими, мирными.

Все молится, и ребенок молится, это для него естественно. Любовь к храму, к домашнему святому уголку, где горят свечи и лампадки, где иконы святых – это тяга к красоте иного мира, где живут Силы небесные. Это влечение к красоте, благоговение врожденные у детей. Как любят дети поцеловать икону, крест, чтобы их святым маслом помазали! То, что нужно петь, они поют. С малых лет они легко запоминают основные молитвы.

Молитва имеет огромный воспитательный заряд. Она учит просить, благодарить, извиняться, ценить добро, заботу. Если для родителей храм – родной дом, то и для детей он будет тем же.

Исповедь, причастие – основа жизни православной семьи. Они ста-

новятся основой и в жизни детей, через исповедь дети учатся ответственности за свои поступки, учатся трезвенно, контролю над своими мыслями, желаниями, делами, учатся доброте. Причастие освящает, просветляет детей, наполняет души их радостью, легкостью, это общение с Богом делает ребятных счастливейшими из людей.

Вся семья вместе – и душа на месте

Когда сам взрослый живет и с радостью Богу служит, выполняет общественные обязанности, с радостью помы мает, огород копает, то и детки, которые рядом, естественно вырастут трудолюбивыми, ответственными, счастливыми, не избалованными людьми.

Вот какие блага закладывает в детские души жизнь в благочестивой семье.

Если все это заложено в детстве, то даже в случае охлаждения человека к вере, пройдет какое-то время и Господь даст ему спасительный толчок в жизни и все это вспомнится. Человек снова обра-

тится к Богу, без Бога он уже не сможет жить.

«Бог и семья» – это то, что деткам хранить (прот. Евгений Шестун). Встречаются родители, которые подталкивают своих чад идти сам. Но ведь мы толкаем ребенка в не известность, мы не знаем в какие руки он попадет... Поэтому, чем дольше держишь ребенка рядом с собой, тем лучше! Важно только напитать его душу благочестием. Если ребенок к тебе льнет, хочет быть с семьей, просто неразумно отталкивать его и приучать к мнимой самостоятельности. Вырастет, оставит отца и мать, прилепится к жене своей, тогда начнется самостоятельность.

Хорошо, когда ребенок имеет в детстве большую и хорошую дружбу с кем-то из сверстников. Это воспитывает благородство, сочувствие к людям. Но здесь родители должны быть осторожны. И если общение ребенка с кем-либо из его окружения развращает его, отбивает вкус к духовному – в нас не должно быть места благодушию, мы обязаны помочь своему чаду избавиться от плохой компании, от порочной среды.

(Продолжение следует).

В основе статьи использованы главы книги «Православная семья» (Советы протоиерея Елевана Шестуна).

Материал подготовил
ИННОВАЦИОННЫЙ
(МЕЛЬНИКОВ)

Просьба не использовать газету в хозяйственных целях

Просим изыскать возможность оказать благотворительную финансовую помощь на издание альманаха «Задонский паломник». Деньги высылать на адрес монастыря с пометкой: «На издание "Задонского паломника"».

Желающим можем выслать альманах «Задонский паломник» по почте. Для этого просим присылать свои заявки на адрес монастыря с пометкой: «Для "Задонского паломника"».

При перепечатке смысла на «Задонский паломник» обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14.
Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, тел. 2-49-55.
выходит с 2000 г. Тираже 990 экз.